

Заемствования из других языков имеют периферийный характер. Так, через арабское посредство в М.я. проникло небольшое количество слов персидского (*kōra* 'ремесло' < перс. *kār*, *nišōna* 'цель, мишень' < перс. *nešān*) и турецкого (*bōša* 'паша' < турец. *paša*, *māza* 'легкая закуска' < турец. *meze*, *balki* 'может быть' < турец. *belki*, *tuṛay* 'прямо' < турец. *doğru*, *zengilay* 'богатый' < турец. *zengin*) происхождения, а также интернациализмы (*sālaṭa* 'салат', *mākana* 'автомобиль', *sīnata* 'кино'). Некоторые исследователи предполагают, что отрицательная частица *či*, не имеющая надежной семитской этимологии, заимствована из курдского (*či* 'нет'), однако отсутствие убедительных свидетельств о курдско-западноарамейских языковых контактах в историческую эпоху заставляет относиться к этой гипотезе с осторожностью.

ЛИТЕРАТУРА

Arnold W. Lehrbuch des Neuwestaramäischen. Wiesbaden, 1989.

Arnold W. Das Neuwestaramäische. I. Texte aus Baxʿa. Wiesbaden, 1989.

Arnold W. Das Neuwestaramäische. II. Texte aus Ġubbaʿdīn. Wiesbaden, 1990.

Arnold W. Das Neuwestaramäische. III. Volkskundliche Texte aus Maʿlūla. Wiesbaden, 1991.

Arnold W. Das Neuwestaramäische. IV. Orale Literatur aus Maʿlūla. Wiesbaden, 1991.

Arnold W. Das Neuwestaramäische. V. Grammatik. Wiesbaden, 1990.

Arnold W. New Materials on Western Neo-Aramaic // *Studies in Neo-Aramaic* / Ed. by W. Heinrichs. Atlanta, 1990.

Arnold W. Das Verbum im Neuwestaramäischen // *Tempus und Aspekt in den semitischen Sprachen* / Ed. by N. Nebes. Wiesbaden, 1999.

Arnold W. Zur Geschichte der arabischen Lehnwörter im Neuwestaramäischen // *Neue Beiträge zur Semitistik* / Ed. by N. Nebes. Wiesbaden, 2002.

Arnold W., Behnstedt P. Arabisch-Aramäische Sprachbeziehungen im Qalamūn (Syrien). Wiesbaden, 1993.

Bergsträsser G. Neuaramäische Märchen und andere Texte aus Maʿlūla, hauptsächlich aus der Sammlung E. Prym's und A. Socin's. Leipzig, 1915.

Bergsträsser G. Neue Texte im aramäischen Dialekt von Maʿlūla // *ZA*, 1919, Bd. 32.

Bergsträsser G. Glossar des neuaramäischen Dialekts von Maʿlūla. Leipzig, 1921.

Cohen D. Sur le système verbal du néo-araméen de Maʿlūla // *JSS*, 1979, vol. 24.

Correll C. Untersuchungen zur Syntax der neuwestaramäischen Dialekte der Antilibanon. Wiesbaden, 1978.

Nöldeke T. Texte im aramäischen Dialekt von Maalula // *ZA*, 1917–1918, Bd. 31.

Parisot J. Le dialecte de Maalula. Grammaire, vocabulaire et textes // *JA*, 1898, t. 11.

Rosenthal F. Spitalers Grammatik des neuaramäischen Dialekts von Maʿlūla // *Or.*, 1939, vol. 8.

Spitaler A. Grammatik des neuaramäischen Dialekt von Maʿlūla. Leipzig, 1938.

Spitaler A. Neue Materialien zum neuaramäischen Dialekt von Maʿlūla // *ZDMG*, 1957, Bd. 107.

Л.Е. Коган, С.В. Лёзов

ТУРОЙО

1.1.0. Общие сведения.

Язык туройо (Т.я.) — бесписьменный новоарамейский язык, распространенный на территории нагорья Тур-Абдин на юго-востоке Турции.

1.1.1. Распространенный в европейской научной литературе лингвоним «туройо» (*turoyo*) воспроизводит принятое среди носителей Т.я. самоназвание. Адаптацией

этого самоназвания является также арабский термин *ṭorāni*. Данное обозначение восходит к названию нагорья Тур-Абдин (*tūr ṣabdīn* в литературе на классическом сирийском и арабском языках, *u-ṭuro daṣ-ṣabode* на Т.я.). Буквальный перевод этого названия — «Нагорье поклоняющихся (Богу)» — обусловлен давней укорененностью христианства в этой исторической области. Согласно А. Тезелю, в настоящее время широко употребляется также альтернативное самоназвание *səryoyo*, букв. 'сирийский (язык)' (некогда распространенный лингвоним *ṣurayt* с тем же значением выходит из употребления).

1.1.2. В научной литературе нет единого мнения по поводу классификационной принадлежности Т.я. (см. статьи «Арамейские языки» и «Новоарамейские языки» в наст. издании). Решение данной проблемы затруднено тем, что из-за глубокой перестройки глагольной системы лишь немногие из морфологических изоглосс, релевантных для членения арамейских языков на западные и восточные, могут в принципе быть прослежены на материале Т.я.

Согласно наиболее распространенному мнению, Т.я. относится к восточной ветви новоарамейских языков, в рамках которой его обычно отделяют от новоарамейских языков более восточных ареалов (так называемых северо-восточных новоарамейских языков). Т.я. и северо-восточные новоарамейские языки в совокупности противопоставляют западным новоарамейским языкам (языки деревень Маалула, Баха и Джуббадин в горах Антиливана в Сирии), а также новомандейскому языку на юге Ирака и в приграничных с Ираком районах Ирана.

Наиболее очевидной морфологической изоглоссой, указывающей на восточноарамейское происхождение Т.я., является показатель множественного числа имен *-e* (< **-ē*, ср. *-ō* < **-auū* в западноарамейском языке Маалулы). Многочисленные лексические изоглоссы объединяют Т.я. с классическим сирийским (высказывалась точка зрения, по которой Т.я., по крайней мере в лексическом отношении, является продолжением классического сирийского или очень близкого к нему идиома). С северо-восточными новоарамейскими языками Т.я. объединяет в первую очередь полная утрата общесемитской системы префиксального и суффиксального спряжений, на смену которым пришли новые образования на основе причастий.

Объединение Т.я. в одну группу с северо-восточными новоарамейскими языками поддерживается не всеми учеными. По мнению некоторых исследователей (О. Ястров, К.Г. Церетели), Т.я. образует особую ветвь новоарамейских языков — центральную, занимающую промежуточное положение между западными новоарамейскими языками (язык Маалулы) и северо-восточными новоарамейскими языками. Эту точку зрения едва ли можно признать состоятельной. Так, большинство фонологических особенностей Т.я., приводимых О. Ястровым в обоснование особого статуса этого языка, не являются классификационно релевантными и представляют собой либо архаизмы (сохранение фарингальных *ħ* и *ʕ*, отсутствие стяжения сочетаний **aw*, **ay*), либо типологически тривиальные черты, наблюдаемые в различных ареалах семитоязычного мира (переход **ā* > *o*, утрата консонантного удвоения с компенсаторным удлинением предшествующего гласного). В области морфологии архаичными чертами являются сохранение в системе словоизменения форм, восходящих к древним *t*-породам, отсутствие аналитических глагольных форм на основе инфинитивов и других отглагольных существительных (образования такого рода характерны для северо-восточных новоарамейских языков) и, возможно, нераспространение эргативного спряжения в претерите исходной породы на некоторые низкотранзитивные двух-

местные и на переходные глаголы (см. 2.3.5.). Напротив, наличие определенного артикля и копулятивных энклитических форм личных местоимений в структуре именного предложения можно считать относительно тривиальными инновациями, не имеющими классификационного значения.

Таким образом, выделение Т.я. в отдельную, равноудаленную от западных и северо-восточных новоарамейских языков, подгруппу не кажется оправданным. В то же время не вызывает сомнения его обособленное, архаичное положение среди языков восточной ветви, с которыми он не разделяет некоторых важных инноваций.

Согласно О. Ястрову, другие новоарамейские идиомы, распространенные в Восточной Анатолии, в структурном и генеалогическом отношении сравнительно далеки от Т.я. и скорее связаны с новоарамейскими языками Северного Ирака. Исключение составляет диалект деревни Млахсо (*młahsō*) в провинции Диярбакыр к северо-западу от Тур-Абдина, демонстрирующий заметную близость к Т.я. (записи речи последних носителей млахсо были сделаны О. Ястровым в 1968 г. в Диярбакыре).

1.1.3. Исторический ареал распространения Т.я. — нагорье Тур-Абдин, небольшая по протяженности (около 140 км), труднодоступная местность на юго-востоке Турции между гг. Мардин и Джизре. К 1970 г. число арамеоязычных жителей Тур-Абдина оценивалось в 20 тыс. чел. Важнейшим историческим центром расселения носителей Т.я. является небольшой город Мидьяд (официальное турецкое название — *Midyat*, традиционное название на Т.я. — *Mədyad*), расположенный в центральной части нагорья (в 1965 г. арамеоязычное население Мидьяда составляло около 5 тыс. чел.). Кроме того, носители Т.я. населяли 16 прилегающих деревень и составляли значительную часть населения еще в 22 деревнях. Носители Т.я. — христиане, принадлежат к Сирийской (яковитской) церкви.

Первые волны миграции носителей Т.я. относятся к концу Первой мировой войны и связаны с притеснениями, которые в этот период испытывали различные группы христианского населения Восточной Анатолии. В результате этих миграций сформировались ранние очаги диаспоры туройо в Сирии (Камышлы, Дамаск), Ливане (Бейрут), а также Палестине, Иордании и Ираке. В последующие десятилетия наблюдался значительный отток арамеоязычного населения в западные районы Турции, в первую очередь Стамбул, где в 60–70-е гг. XX в. насчитывалось до 20 тыс. носителей Т.я. В последние десятилетия усиление религиозных и этнических противоречий между курдским населением Восточной Анатолии и носителями Т.я. в сочетании с расширением возможностей для эмиграции в страны Западной Европы (в первую очередь Германию) привело к резкому уменьшению численности арамеоязычных жителей Тур-Абдина (в настоящее время, по разным оценкам, от нескольких тысяч до нескольких сотен), а также ранних ближневосточных диаспор. Одновременно эти процессы привели к образованию многотысячной диаспоры туройо в различных странах Западной Европы (Германия, Швеция), а также в США, Канаде и Австралии. В начале 1990-х гг. число эмигрантов из Тур-Абдина в странах Западной Европы оценивалось в 40 тыс. чел., из них не менее 25 тыс. в Германии. В отрыве от исконной территории молодые поколения выходцев из Тур-Абдина быстро утрачивают Т.я., вследствие чего число его носителей в диаспоре с трудом поддается оценке.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. В своих работах по Т.я. О. Ястров противопоставляет диалект городского центра Мидьяд диалектам окружающих деревень, отмечая тем не менее, что между

всеми диалектами Т.я. возможен высокий уровень взаимопонимания. Согласно Х. Риттеру, все деревенские диалекты ближе друг к другу, чем каждый из них к городскому диалекту. В основе грамматики О. Ястрова и его учебника лежит диалект деревни Мидин (тур. *Midən*, анат. араб. *Məddo*), наиболее восточной из арамеоязычных деревень Тур-Абдина. Отмеченные О. Ястровым различия между «городским» и «деревенским» турой указывают на более архаичный характер «городского» диалекта в вокализме и некоторых аспектах глагольной морфологии.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Т.я. никогда не имел официального статуса и функционировал исключительно как средство устного общения в арамеоязычных общинах деревень и мелких городов. Попытки создать на основе Т.я. современный письменный язык, пригодный для школьного образования и печати, были негативно восприняты в некоторых традиционалистски настроенных кругах носителей Т.я. (в частности, из-за использования этим стандартизованным языком латинской графики). Исследователями констатируется сложный процесс взаимодействия между стандартизованным Т.я. и классическим сирийским языком, традиционно использовавшимся как письменный язык образования и культуры в среде сирийских христиан (так, например, отмечается тенденция к замене арабских, курдских и турецких заимствований на термины, воспринятые из классического сирийского).

1.3.2. Разработанный в Швеции стандартизованный вариант Т.я. имеет наддиалектный характер и сочетает черты «городской» и «деревенской» разновидностей Т.я.

1.3.3. Первым сведением о Т.я. европейская наука обязана немецким востоковедам Э. Приму и А. Социну, которыми был записан обширный корпус текстов на Т.я. (опубликован в 1881 г.). На основе корпуса Э. Прима и А. Социна в 1923 г. А. Зигель выпустил первую грамматику Т.я. Важнейший вклад в исследование Т.я. внес живший и работавший в Турции немецкий востоковед Х. Риттер, который в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. опубликовал огромное собрание текстов на Т.я. с немецким переводом (всего около 2 тыс. страниц). Уже после смерти Х. Риттера была опубликована составленная им грамматика Т.я. (подробное описание морфологии глагола, местоимений и числительных), а также факсимиле рабочего варианта рукописи словаря Т.я. (содержит только именные и неизменяемые лексемы). Наиболее современные пособия по Т.я. принадлежат немецкому семитологу О. Ястрову, который в 1967 г. опубликовал грамматическое описание Т.я. (фонология и морфология), а в 1992 г. — учебник Т.я. с небольшим глоссарием.

Начиная с 1979 г. в Швеции для иммигрантов-носителей Т.я. ведется его факультативное преподавание в школах. Правительственными органами в области образования была сформирована комиссия по разработке учебных материалов. Наиболее известным результатом этой работы стал выпуск в 1983 г. первого школьного учебника Т.я. под названием “Тоху Qorena” («Давайте почитаем!»). Кроме того, был выпущен шведско-турой глоссарий и некоторые другие учебные материалы.

1.4.0. На протяжении большей части своей истории Т.я. оставался бесписьменным. В европейской научной традиции для записи текстов на Т.я. используются различные варианты фонетической и фонологической транскрипции. В XIX в. sporadически применялось также сирийское письмо: таким образом записаны, в частности, так называемые рукописи Захау (переводы с арабского на Т.я., выполненные носителем Т.я. в 1879–1880 гг. по заказу немецкого востоковеда Э. Захау), а также хранящийся в

Гарварде манускрипт с переводом на Т.я. Евангелия от Иоанна (датирован 1877 г. и, вероятно, выполнен тем же носителем, что и «рукописи Захау»). В рамках школьного преподавания в Швеции была разработана новая система письма на латинской основе (36 символов), получившая определенное распространение.

1.5.0. Ввиду отсутствия письменной традиции Т.я. известен науке только в своей современной форме. Существенных различий между языком текстов, записанных на рубеже XIX–XX вв., и современным состоянием языка, по-видимому, нет.

1.6.0. На протяжении своей истории Т.я. находился в тесном контакте с анатолийским диалектом арабского языка. Так, арабоязычные мусульмане традиционно заселяли западную часть г. Мидъяд, составляя около половины его населения, а в непосредственной близости от арамеоязычных деревень Тур-Абдина располагаются деревни, населенные арабоязычными христианами. Таким образом, арабский язык смог оказать влияние не только на лексику Т.я., но и на его фонологическую и морфологическую систему. К наиболее заметным проявлениям этого влияния относятся следующие.

В области фонологии арабское влияние проявляется в первую очередь в консонантизме, многие элементы которого заимствованы из арабского (см. 2.1.1.). Значение заимствованных консонантных фонем ограничено тем, что их присутствие не распространилось на исконно арамейскую лексику.

В области именной морфологии арабское происхождение имеют показатели множественного числа *-at* и *-awat*, а также модели «ломаного множественного» у имен с четырехгласной структурой (см. 2.3.3.). Поскольку оба этих способа образования множественного числа не затрагивают исконно арамейскую лексику, их значение с точки зрения языковой интерференции ограничено. В Т.я. употребительна модель прилагательных сравнительной степени $aC_1C_2aC_3$ (см. 2.3.7.), по преимуществу — но не исключительно — для прилагательных арабского происхождения. Арабское происхождение имеют порядковые числительные *tani*, *teni* 'второй' и *telət*, *telət* 'третий' (см. 2.3.3.).

В области глагольной морфологии арабское влияние сводится главным образом к употреблению заимствованных из арабского глаголов производных пород — V и VI (*məṭṣawarle* 'представлять себе' < *taṣawwara*, *məṭḥasadle* 'завидовать' < *taḥāsada*), VIII (*məḣtamaḥle* 'собираться' < *?iḣtamaḥa*), X (*məṣtaḥmele* 'использовать' < *?istaḥmala*). Поскольку употребление арабских породных маркеров при исконно арамейских корнях не отмечается, данное явление имеет скорее лексический, чем грамматический характер.

Грамматические явления, обусловленные влиянием курдского языка, немногочисленны. Курдское происхождение имеют некоторые согласные фонемы Т.я. (см. 2.1.1.), встречающиеся, однако, главным образом в курдских заимствованиях. Продуктивным является заимствованный из курдского суффикс *-əḣ*, образующий имена с уменьшительным значением (см. 2.5.2.). В некоторых разновидностях Т.я. широко используется заимствованный из курдского суффикс прилагательных сравнительной степени *-tər* (см. 2.3.7.). Из курдского заимствован направительный послелог *-va*.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Согласно учебной грамматике О. Ястрова, консонантизм Т.я. состоит из 36 фонем.

По способу образования			По месту образования									
			Лабials	Лабидентальные	Дентальные	Ингердентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные	Фарингальные	Ларингальные
Шумные	Смычные	Гл.		f	t				k	q		ʔ
		Зв.	b	v	d				g			
		Эмф.			t̪ d̪							
	Щелевые	Гл.			s	t	ʃ		x		ħ	h
		Зв.			z	d	ʒ		ɣ		ʕ	
		Эмф.			ʂ	d̪						
Аффрикаты	Гл.					ʧ						
	Зв.					ʧ̪						
Сonorные	Назальные		m		n ɲ							
	Латеральные				l ʎ							
	Вибранты				r ʀ							
	Глайды		w						y			

Эмфатические согласные (*t, d, ɗ, s, l, n, r*) реализуются как веляризованные. Обще-семитский велярный эмфатик **k* реализуется как глухой увулярный смычный *q* (от глухого велярного смычного *k* эта фонема отличается также отсутствием придыхания).

Многие из выделенных О. Ястровым консонантных фонем имеют лишь ограниченное значение для фонологии Т.я. Так, фонемы *ɗ* и *ɗ̪* встречаются только в арабских заимствованиях (*ɗarbo* 'удар' < араб. *ɗarb*, *ɗayfo* 'гость' < араб. *ɗayf*); различие между ними, согласно О. Ястрову, наблюдается не у всех носителей. Фонема *p* встречается главным образом в курдских заимствованиях (*paɣəz* 'осень' < курд. *paɣîz*, *spîndâr* 'тополь' < курд. *sepîndar*), примеры из исконной лексики (типа *paɣuo* 'плоский, широкий, просторный') очень редки, поскольку обще-семитский и обще-арамейский **p* переходит в *f* во всех позициях (см. 2.2.3.). Только в курдских заимствованиях встречается фонема *v*: *duve* 'хвост' < курд. *duvê*, *grovâr* 'круглый' < курд. *gîrover*, *zərbāv* 'отчим' < курд. *zîrbav*. Только в арабских, курдских и турецких заимствованиях встречаются аффрикаты *ʧ* и *ʒ*, а также звонкая шипящая фонема *ʒ̪*: *ʒaddo* 'дед' < араб. *ʒadd*, *hoʒəm* 'нападать' < араб. *haʒama*, *ʧuko* 'птица' < курд. *çûk*, *nobaççi* 'часовой' < турец. *nöbetçi*, *kaližan* 'жара' < курд. *kelijan* и др.

Гортанный взрыв *ʔ* выступает как самостоятельная фонологическая единица только в середине слова, где его употребление ограничивается небольшим числом арабизмов (*hayʔa* 'вид, внешность' < араб. *hayʔa*). Слова с гласным исходом обычно имеют гортанный приступ, однако фонологическое противопоставление с нулем отсутствует.

Веляризованные сонанты *l, n, r* встречаются главным образом в глагольных формах от корней с последним *r* (**rn > ɲn*, **rl > ʎl*, *rC > ʀr*). Согласно О. Ястрову, веляризация *l* наблюдается также в словах, содержащих *t, d* или *ʂ* (*qaɣolo* 'убийца', *mʂale* 'он

молится'). Кроме того, эти фонемы спорадически отмечаются в курдских заимствованиях: *gole* 'пруд' < курд. *golê*, *lapkat* 'перчатки' < курд. *lepik*.

Таким образом, полноценными фонологическими единицами консонантизма Т.я. могут считаться лишь 25 фонем.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования									
			Лабialsные	Лабидентальные	Дентальные	Интердентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные	Фарингальные	Ларингальные
Шумные	Смычные	Гл.	p	f	t	t̪			k	q		
		Зв.	b		d	d̪			g			
		Эмф.			ʈ							
	Щелевые	Гл.			s		ʃ		x		ħ	h
		Зв.			z				ç		ʕ	
		Эмф.			s̪							
Аффрикаты	Гл.											
	Зв.											
Сонорные	Назальные		m		n							
	Латеральные				l							
	Вибранты				r							
	Глайды		w					y				

В области в о к а л и з м а О. Ястров выделяет восемь гласных фонем, пять напряженных и три ненапряженных:

і у
 е о ә ѱ
 а ѡ

Как признает сам О. Ястров, фонологическое значение оппозиции между напряженными и ненапряженными гласными сравнительно невелико, поскольку в исконной лексике напряженные гласные обычно встречаются в открытых слогах, а ненапряженные — в закрытых. Эта дистрибуция может быть проиллюстрирована чередованиями при словоизменении отдельных лексем: *fa-qî-ro* 'бедный', ж. р. *fa-qâr-to*; *ko-no-şaq* 'он целует', *ko-nâş-qa* 'она целует' и т. п. Таким образом, восьмифонемная система гласных потенциально сводима к пятифонемной. По мнению О. Ястрова, подобное сокращение фонемного инвентаря при описании Т.я. нежелательно, так как оно не учитывает многочисленные заимствованные лексемы, в которых обусловленные слоговой структурой правила распределения гласных не соблюдаются. Кроме того, присутствие напряженных (исторически долгих) гласных в закрытых слогах

отмечается в некоторых позициях исконно арамейской глагольной парадигмы (О. Ястровым приводятся такие примеры, как *maʕberle* 'приведи его', *hozutwa* 'они видели', *kaṃno* 'я встал', ср. *kaṃno* 'пусть я встану', *zbaṭ-le* 'поймайте его' vs. *zbaṭ-le* 'поймай его'). Тем не менее о незначительном фонологическом весе оппозиции *a* : *ā* красноречиво свидетельствует тот факт, что в своем учебнике Т.я. О. Ястров как правило оставляет это противопоставление немаркированным: специальные обозначения *ā* и *ā* используются им лишь в тех случаях, когда эти звуки встречаются в нетипичных для них позициях, а именно, долгий *ā* в закрытых слогах (*flān* 'некто, имярек' < араб. *fulān*) и краткий *ā* в открытых слогах (*ḫāsara* 'храбрость' < араб. *ḫāsāra*, *gāli* 'ущелье, овраг' < курд. *geli*).

В то время как ненапряженный *ā* последовательно противопоставляется *a*, фонологическое значение оппозиции *ū* : *ə* невелико. Как показал О. Ястров, древние краткие гласные **i* и **u* в закрытых слогах сливаются в *ə* (**nišrā* 'орел' > *nəšro*, **rumḫā* 'копье' > *rəmḫo*), однако в слогах, начинающихся с *k*, *g*, *x*, *γ*, *q* и оканчивающихся на *l* и *r*, а также в слогах, оканчивающихся на *x*, *γ*, *q*, *ʕ*, *ḫ*, ненапряженный гласный часто сохраняет свой древний огубленный тембр: *gūrno* 'ступа' < **gurnā*, *nūqto* 'капля' < **nuqtā*, *külle* 'все они' < **kull-*. Постулируемые О. Ястровым фонетические позиции сохранения **u* нуждаются в уточнении (см. целый ряд не соответствующих им примеров: *gūšro* 'балка', *dūkto* 'место'; *qūbdo* 'еж'), однако выделенные им минимальные пары типа *ḫər* 'свободный' vs. *ḫūr* 'вон, смотри' или *kaṭle* 'он имеет' vs. *kūtle* 'клецки' позволяют постулировать для оппозиции *ə* : *ū* ограниченное фонологическое значение (в том случае, если ненапряженные гласные в принципе признаются отдельными фонемами, см. выше). В настоящем описании за пределами фонологических разделов огубленный тембр ненапряженного гласного специально не помечается. Вопрос о том, в какой мере *ə* противопоставлен нулю, специально не изучался, можно предполагать, что фонологический вес этой оппозиции очень мал.

Количественная реализация напряженных гласных зависит от места ударения в слове. Согласно О. Ястрову, в слогах, несущих основное ударение, эти гласные реализуются как долгие [V:], в слогах со слабым ударением — как полудолгие [V·], в безударных слогах — как краткие (об используемой Ястровым акцентной терминологии см. 2.1.2.): *damixono* [dā·-mī-xó:-nō] 'я спал'. Таким образом, в синхронном плане напряженные гласные, исторически всегда долгие, могут иметь как долгую, так и краткую реализацию.

С точки зрения диахронической фонологии арамейских языков представляет интерес присущая Т.я. лабиализация древнего долгого **ā* в *o* (*ʕarbolo* 'сито' < общ.-арам. **ʕarbālā*, *lišono* 'язык' < общ.-арам. **liššānā*), а также сохранение дифтонгических сочетаний **aw* и **au* (*tawro* 'бык', *bayto* 'дом'). Лабиализации не подвержен долгий *ā*, возникший в результате компенсаторного удлинения древнего краткого **a* перед утраченной геминатой (см. 2.2.3.).

2.1.2. Для исконной лексики характерно ударение на предпоследнем слоге, передвигающееся при изменении слоговой структуры словоформы: *damíxo* 'она спала' — *damixína* 'они спали'. Ударение на последнем слоге присуще формам императива (см. приводимые О. Ястровым минимальные пары типа *máqəṭ* 'он установил' — *maqəṭ* 'установи'). Также отклоняются от общего правила глагольные формы с местоименными энклитиками (*ḫzēle-lux* 'он увидел тебя') и сложные глагольные формы (*damáxwayno* 'я заснул').

Заметную роль в акцентной системе Т.я. играет второстепенное ударение, от места постановки которого зависит долгота напряженных гласных (см. 2.1.1.). Если перед ударным слогом имеется только один открытый слог, этот слог несет вспомогательное ударение, а содержащийся в нем гласный произносится как полудолгий: *maqimo* [mà·qí:-mǒ] 'пусть она поднимет'. Если перед ударным слогом имеется два открытых слога, произношение слова характеризуется своеобразным альтернирующим ритмом, при котором слог, непосредственно предшествующий ударному, произносится безударно (и кратко), в то время как следующий за ним несет вспомогательное ударение: *maqimina* [mà·qí-mí:-nǎ] 'давайте поднимем'.

2.1.3. Фонологические явления, строго обусловленные позиционными факторами, для Т.я. не характерны. В то же время позиционные факторы, вызвавшие ряд исторических чередований, остаются сравнительно прозрачными, вследствие чего такие чередования могут трактоваться как полуавтоматические (см. 2.1.1., 2.2.3.).

2.1.4. О. Ястров выделяет в Т.я. восемь типов слогов: CV (*ko-zə-ke* 'окоп'), CVC (*kar-so* 'живот'), CVCC (*band-ke* 'ремень'), CṼ (*ʕa-mu-ʕo* [ʕa·mū-ʕo] 'глубокий'), CṼC (*qal-pāy* 'крышка'), CCVC (*ħmar-to* 'ослица'), CCṼ (*ʕwo-no* [ʕwō-no] 'овца'), CCṼC (*spīm-dār* 'тополь'). Слоги типа V Ястровым не выделяются из-за того, что в рамках его описания всякое слово с вокалическим анлаутом считается начинающимся с гортанного взрыва ? (*?a-lo* 'Бог'). Ввиду описанной в 2.1.1. тенденции к распределению полных и редуцированных гласных по открытым и закрытым слогам слоговые типы CṼC и CCṼC встречаются редко и в основном в заимствованиях.

2.2.0. Морфофонологические сведения.

2.2.1. Структура первичных имен Т.я. подробно описывается в грамматике О. Ястрова. Наиболее частотные структурные типы имеют следующий вид.

$C_1aC_2C_3o$: *daqno* 'борода', *gamlo* 'верблюд', *zawno* 'время'; к этому же типу относятся имена с анлаутом на *a-* (в грамматике О. Ястрова — *?a-*): *ađno* 'ухо', *arʕo* 'земля'. В нескольких случаях *a-* в диахроническом плане является протетическим: *abro* 'сын', *admo* 'кровь'. Данный структурный тип высокочастотен, список относящихся к нему исконно арамейских первичных имен, составленный Ястровым, включает не менее 150 единиц. В диахроническом плане ядро этого типа составляют арамейские основы типа $C_1aC_2C_3-$ (*baqro* 'скот' — кл. сир. *baqrā*, *garmo* 'кость' — кл. сир. *garmā*), однако такую же форму приняли многие древние основы на *-e-* (*bašlo* 'лук' — кл. сир. *bešlā*, *lalyo* 'ночь' — кл. сир. *lelyā*) и *-u-* (*barko* 'колени' — кл. сир. *burkā*, *daħno* 'просо' — кл. сир. *duħnā*).

$C_1əC_2C_3o$: *gərno* 'ступа', *gəšmo* 'тело', *nəšro* 'орел'. Данный тип существенно более редок, чем $C_1aC_2C_3o$ (не более 25 исконно арамейских первичных имен в грамматике О. Ястрова). В диахроническом плане он состоит из арамейских основ типа $C_1uC_2C_3-$ (*səsyu* 'лошадь' — кл. сир. *susyā*, *rəmhə* 'копье' — кл. сир. *rumḥā*), а также *e-*основ с *š* в качестве первого или второго корневого согласного (*šəmšə* 'солнце' — кл. сир. *šəmšā*, *məšhə* 'жир' — кл. сир. *mešhā*). Кроме того, к этому типу относятся несколько имен с историческим **ā*, который в западном варианте классического сирийского перешел в *ō* (*məryo* 'господин' — кл. сир. (зап.) *mōryō*, *kəhno* 'священник' — кл. сир. (зап.) *kōhnō*). О сохранении огубленного тембра ненапряженного гласного у некоторых имен этого типа см. 2.1.1.

C_1VC_2o : *faro* 'баран', *salə* 'корзина', *lebo* 'сердце', *femo* 'рот', *rišo* 'голова', *ṭino* 'глина', *qolo* 'голос', *toyo* 'корона', *šuro* 'стена', *ruħo* 'дух'. Довольно многочисленные имена этой структуры восходят либо к двусогласным основам с исторически долгим

гласным (*dewo* 'волк' — кл. сир. *dēbā*, *qiro* 'смола' — кл. сир. *qīrā*, *ṭuro* 'гора' — кл. сир. *ṭūrā*), либо к основам с исторически удвоенным вторым согласным, упрощение которого сопровождается удлинением гласного (*ʕamo* [ʕāmo] 'народ' — кл. сир. *ʕammā*, *ʕezo* [ʕēzo] 'коза' — кл. сир. *ʕezzā*, *kubo* [kūbo] 'колыбка' — кл. сир. *kubbā*).

$C_1C_2VC_3o$: *šmaʔo* [šmāʔo] 'небо', *skino* 'нож', *ḥmoro* 'осел', *druʕo* 'рука, локоть'. Имена этого типа сравнительно немногочисленны и, как правило, восходят к прототипам с исторически долгим гласным во втором слоге.

$C_1aC_2VC_3o$: *wariḏo* 'артерия', *tanuro* 'печь'. Немногочисленные имена этого типа восходят к прототипам с удвоенным вторым согласным и долгим гласным во втором слоге.

Сравнительно немногочисленны первичные имена с четырехсогласной структурой: *farzlo* 'железо', *ṭlawḥo* 'чечевица', *ʕarbolō* 'сито', *ʕarquwo* 'пятка', *ʕebəgro* 'мышь'.

2.2.2. Количество согласных, встречающихся в составе флективных и деривационных аффиксов, невелико (*m*, *t*, *n*, *x*, *l*). Все остальные согласные встречаются только в корневых морфемах.

2.2.3. Для Т.я. характерно упрощение древних общесемитских и общеарамейских консонантных удвоенных согласных. Присутствие геминаты в праформе отражается в виде напряженных (долгих) гласных вместо ожидаемых ненапряженных (кратких) перед исторически удвоенным согласным: *emo* 'мать' < **ʔemmā*, *ḥaʕo* 'спина' < **ḥaʕṣā*. В то же время на морфемных границах могут образовываться вторичные, незтимологические геминаты: *r-ruḥe* 'для себя самого' < **l-ruḥe*, *nšiqən-ne* 'он поцеловал их' < **nšiqin-le* и др. Кроме того, удвоенные согласные встречаются в заимствованиях: *lappē* 'ладонь' < курд. *lep*, *ḥəss* 'шум' < араб. *ḥiss* и др. Представляет интерес этимологический дублет *ʕamo* 'люди' < общ.-арам. *ʕammā* vs. *ʕammo* 'дядя по отцу' < араб. *ʕamm*, все из прасем. **ʕamm-* 'родственник(и), народ'.

В рамках исконно арамейской лексики можно констатировать тенденцию к ограничению позиционной встречаемости отдельных согласных фонем. Так, фонемы *w*, *t*, *d*, *x*, *γ*, восходящие к общеарамейским спирантным аллофонам фонем **b*, **t*, **d*, **k*, **g*, типичны в поствокальной позиции (*gawro* 'человек', *atro* 'место'), в то время как фонемы *b*, *t*, *d*, *k*, *g*, восходящие к соответствующим смычным аллофонам, чаще встречаются в начале слова и в середине слова после согласного (*baʕlo* 'лук', *druʕo* 'локоть, рука', *gūrno* 'ступа'). Размывание этой позиционно обусловленной оппозиции, наметившееся уже в среднеарамейских языках, в Т.я. усилилось за счет внутренних и внешних факторов. Важнейшим внутренним фактором является утрата консонантной геминаты, вследствие чего смычные (некогда геминированные) согласные нередко оказываются в поствокальной позиции: *ʕatiqo* 'старый' < **ʕattīqā*. Фонематизации спирантного аллофона фонемы *b* (**b* или **v*) способствовало его смешение с полугласным *w*: *ganowo* 'вор' < **gannābā*, ср. *gawo* 'живот' < **gawwā*. Внешним фактором, способствовавшим фонематизации противопоставления смычных и спирантов, является массовый приток заимствований (в первую очередь арабских), в которых данные фонемы встречаются без какого-либо позиционного распределения. Древнее противопоставление смычного и спирантного аллофонов для фонемы *p* (*p* vs. *f*) в Т.я. в основном утрачено за счет генерализации спирантного аллофона (*femo* 'рот' < **ʔemmā*, *ʕafro* 'земля, пыль' < **ʕafrā*), однако в описанном Ястровым диалекте деревни Мидин смычный *p* спорадически сохраняется.

Для Т.я. характерна прогрессивная и регрессивная ассимиляция сонантов на морфемных швах. Так, древние сочетания *-tn-*, *-ln-* и **-nl-* переходят в *-nn-*, *-nn-* и *-ll-*

соответственно: *lat-no* > *lanno* 'я не есть', *ko-nofal-no* > *ko-nofanno* 'я падаю', **hzan-le* > *hʒalle* 'он увидел их' (в первых двух случаях ассимиляция является факультативной: неассимилированные формы, приведенные без астериска, также встречаются в речи). В сходных фонетических контекстах наблюдается ассимиляция **rn* > *ʀn*, **rl* > *ʀl*: *ko-komaŋno* < **ko-komar-no* 'я говорю', *dwəʃle* 'он пахал' < **dwər-le*. В результате ассимиляции, согласно Ястрову, происходит веляризация сонантов (этот процесс, наряду с заимствованиями из курдского языка, является одним из двух источников появления этого типа согласных в Т.я.).

Спорадически отмечается оглушение *ʔ* до *h* перед глухими согласными: *beʔe* 'яйца' ~ *bəhʔo* 'яйцо', *mazʔaqlə* 'он кричал' ~ *gəʔm-mazəhʔo* 'она будет кричать'.

В области вокализма наиболее типичным чередованием является переход полных гласных *i*, *u*, *e*, *o*, *a* в редуцированные *ä*, *ə*, *ÿ*. Поскольку в рамках исконно арамейской лексики позиционные условия данного чередования в значительной мере сохраняют свое значение, уместно интерпретировать его как промежуточное (полуавтоматическое). Как правило, *i* и *e* переходят в *ə* (*ʔatiqo* 'старый' ~ *ʔatəqto* 'старая', *beʔe* 'яйца' ~ *bəhʔo* 'яйцо'), *u* переходит в *ə* или *ÿ* (*ʔamūqo* 'глубокий' ~ *ʔaməqto* 'глубокая', *noqūʂo* 'немногочисленный' ~ *noqəʂto* 'немногочисленная'), *a* [ā] переходит в *ä* [a] (*rabo* [rābo] 'большой' ~ *rabto* [rabto] 'большая'; в принятой Ястровым системе записи данный переход не обозначается). Гласный *o* может чередоваться как с *ä*, так и с *ə/ÿ* (*heworo* 'белый' ~ *hewarto* 'белая', *ko-noʂəq* 'он целует' ~ *ko-nəʂqo* 'она целует').

Реже встречаются чередования *a* ~ *e* и *a* ~ *o*, наблюдаемые, в частности, при образовании форм множественного числа некоторых существительных: *manʔo* 'волос' ~ мн. ч. *mene*, *sakʔo* 'кольшечек' ~ мн. ч. *seke*, *nawʔo* 'гнида' ~ мн. ч. *nowe*.

Некоторые типы вокалических чередований характерны для глагольного словоизменения. Так, при спряжении инфекта I породы регулярно чередуются три формы основы, $C_1oC_2əC_3-\emptyset$ (исходная форма 3-го лица единственного числа мужского рода) ~ $C_1oC_2aC_3-C$ (основа перед суффиксальными показателями с консонантным началом) ~ $C_1əC_2C_3-V$ (основа перед суффиксальными показателями с вокалическим началом): *ko-noʂək* 'он целует' ~ *ko-noʂəkno* 'я целую' ~ *ko-nəʂkət* 'ты целуешь'. В обоих типах спряжения претерита I породы чередуются два типа основ. В абсолютном спряжении перед суффиксальными показателями с консонантным началом и перед нулем основа выступает в форме $C_1aC_2əC_3$ (*gaḥək-∅* 'он смеялся', *gaḥək-no* 'я смеялся'), перед вокалическими суффиксами появляется аллоформа $C_1aC_2iC_3$ (*gaḥik-o* 'она смеялась'). Сходная дистрибуция между двумя типами основ ($C_1C_2əC_3-C$ / $C_1C_2iC_3-V$) наблюдается и в эргативном спряжении (*nʂək-le* 'он поцеловал его' ~ *nʂik-o-le* 'он поцеловал ее').

Известны различные типы чередований полугласных *w* и *y* с гласными, а также между собой. Так, в императиве множественного числа глаголов с последним слабым этимологический *y* регулярно заменяется на *w*: *mḥay* 'ударь' — *mḥawu* 'ударьте'. Древнее сочетание **-əw-* перешло в *u*: *kotu* 'пусть он напишет' < **kotəw*.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

2.3.1. В описаниях Т.я. выделяются следующие части речи: существительное, прилагательное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, артикль, частица, междометие. Как и во многих других восточноарамейских языках, в Т.я. имеются изменяемые предикативные слова со значением наличия, присутствия и обладания. Сравнение с парадигмами глагола и существительного показывает, что эти слова имеют нестандартные показатели лица/рода и времени (непрошедшего vs. прошедшего):

kətyo 'он/она присутствует' — *latyo* 'он/она отсутствует', *kətwā* 'он/она присутствовал/-а' — *latwā* 'он/она отсутствовал/-а' (без противопоставления по роду в 3-м лице единственного числа, см. 2.4.0., 2.5.3.). По совокупности грамматических характеристик эти слова можно выделить в особый класс, обладающий свойствами местоименной предикативной связки, с одной стороны, и глагола — с другой стороны.

2.3.2. Т.я. различает мужской и женский р о д.

У существительных мужской род немаркирован, показатель женского рода у искомно арамейских лексем выступает в виде одного из двух алломорфов (-*t*- или -*t̄*-), перед суффиксом -*o*: *gdāy-t-o* 'курица', *hmər-t-o* 'ослица', *gwe-t-o* 'сыр', *mar-t-o* 'госпожа', *bəḥ-t-o* 'яйцо' vs. *klab-t-o* 'сука', *qri-t-o* 'деревня', *šab-t-o* 'неделя', *dək-t-o* 'место'. Кроме того, согласования по женскому роду требует большинство лексем, в которых *t* и *t̄*, непосредственно предшествующие суффиксу -*o*, не являются показателем женского рода с диахронической точки зрения: *tut-o* 'шелковица', *gərt-o* 'могила' (исключение: *bayto* 'дом', существительное мужского рода).

Среди лексем иноязычного происхождения согласования по женскому роду требуют курдские и арабские заимствования на -*e* (*tavne* 'ковер' < курд. *tevnê*, *šabaye* 'шерстяной плащ' < араб. диал. *šabāye*) и арабские заимствования на -*a* (*dawla* 'государство' < араб. *dawla*). Среди исключений — *aya* 'ага (титул)', *kalla* 'деньги', *dahba* 'дикий зверь', которые относятся к мужскому роду.

Согласования по женскому роду требует значительное число исконных лексем, не имеющих морфологического показателя женского рода: обозначения существ женского пола (*emo* 'мать', *kalo* 'невеста', *?ezo* 'коза'), парных частей тела (*adno* 'ухо', *barko* 'колено'), животных (*gamlo* 'верблюд', *qalmo* 'вошь', *tlaw?o* 'червь'), многих других базовых понятий (*biro* 'колодец', *dawmo* 'дерево', *kefo* 'камень', *malho* 'соль', *nuro* 'огонь', *šamšo* 'солнце'). Некоторые лексемы этого типа относятся к женскому роду лишь в своем основном значении: *arfo* — женский род в значении «земля», но мужской род в значении «дно», *drufo* — женский род в значении «рука, локоть», но мужской род в значении «локоть как мера длины». Кроме того, согласования по женскому роду требует небольшое количество существительных иноязычного происхождения с консонантным исходом: *šaskar* 'армия' < араб. *šaskar*, *xanžar* 'кинжал' < араб. *hanžar*.

У прилагательных арамейского происхождения форма женского рода образуется путем присоединения показателя -*t*-/*t̄*-, которое обычно сопровождается разного рода вокалическими изменениями в основе: *faqiro* 'бедный' — ж. р. *faqərt-o*, *qariwo* 'близкий' — ж. р. *qaruṭ-o*, *komo* 'черный' — ж. р. *kamto*, *qawyo* 'сильный' — ж. р. *qwiṭ-o*. Прилагательные с исходом на -*ono* образуют форму женского рода с помощью суффикса -*ito*: *zaltōno* — ж. р. *zaltōniṭ-o*.

О выражении противопоставления по роду в глаголе и местоимениях см. 2.4.0.

Во множественном числе согласование по роду отсутствует. Лишь некоторые количественные числительные согласуются в роде с исчисляемыми существительными во множественном числе.

2.3.3. Обычным способом образования множественного ч и с л а для существительных мужского рода на -*o* является замена этого окончания на показатель множественного числа -*e*: *kalbo* 'собака' — мн. ч. *kalb-e*. Этот же способ характерен для многих существительных женского рода, не имеющих в единственном числе эксплицитного показателя рода: *dawmo* 'дерево' — мн. ч. *dawm-e*. Кроме того, множественное число на -*e* присуще некоторым заимствованным лексемам мужского рода с консонантным исходом: *nafar* 'солдат' — мн. ч. *nafar-e*, *došak* 'подушка' — мн. ч.

došak-e. Множественное число на *-e* свойственно также ряду существительных с показателем женского рода *-t/-t-*, который при этом вытесняется: *šabto* 'неделя' — мн. ч. *šab-e* (в рамках этого явления вокализм основы часто подвержен историческим чередованиям: *gmarto* 'уголь' — мн. ч. *gəmre*, *šəšwanto* 'муравей' — мн. ч. *šəšwone*, *manto* 'волос' — мн. ч. *mene* и др.). Этот показатель используют, наконец, заимствованные существительные с исходом на безударный *-i*, при этом зияние устраняется за счет глайда *-y-*: *havuri* 'козленок' — мн. ч. *havuriye*.

Некоторые существительные мужского рода на *-o* образуют множественное число с помощью показателя *-one*: *darbo* 'дорога' — мн. ч. *darb-one*, *rišo* 'голова' — мн. ч. *riš-one*.

Показатель множественного числа *-ote* присущ многим существительным женского рода, не имеющим эксплицитного показателя женского рода в единственном числе: *ido* 'рука' — мн. ч. *iđ-ote*, *kalo* 'невеста' — мн. ч. *kal-ote*. Кроме того, этот показатель используют некоторые двусложные существительные с историческим показателем женского рода *-t-*, который на синхронном уровне не воспринимается как таковой и не вытесняется показателем множественного числа: *qəšto* 'лук' — мн. ч. *qəši-ote*, *tərto* 'корова' — мн. ч. *tərt-ote*, *damto* 'золотка' — мн. ч. *dam-ote*.

Многосложные существительные женского рода с показателями *-t/-t-* образуют множественное число с помощью показателя *-yote*: *šašarto* 'племя' — мн. ч. *šašaryote*, *malakto* 'царица' — мн. ч. *malakyote*.

Показатель множественного числа *-awote* присущ небольшой группе существительных, оканчивающихся на *-iŋo* (*qərniŋo* 'угол' — мн. ч. *qərn-awote*) и некоторым другим лексемам (*haŋno* 'зять' — мн. ч. *haŋnawote*, *šafro* 'утро' — мн. ч. *šafrawote*).

Заимствованные из арабского или курдского существительные с консонантным исходом образуют множественное число присоединением показателя *-at*: *ħabs* 'тюрьма' — мн. ч. *ħabsat*, *rakkah* 'клетка' — мн. ч. *rakkahat*. Этот же показатель используется заимствованными существительными с исходом на ударный *-i*, при этом зияние устраняется с помощью *-y-*: *biži* 'незаконнорожденный ребенок' — мн. ч. *bižiyat*. Кроме того, множественное число на *-at* образуют некоторые заимствованные существительные с исходом на *-a* и *-e*: *barneŋa* 'шапка' — мн. ч. *barneŋat*, *žeriye* 'служанка' — мн. ч. *žeriyat*.

Показатель множественного числа *-awat* присущ всем существительным мужского рода на *-a* и некоторым существительным женского рода с исходом на *-a* или *-e*: *kalla* 'деньги' — мн. ч. *kallawat*, *kəfla* 'семья' — мн. ч. *kəflawat*, *laše* 'групп' — мн. ч. *lašawat*.

Некоторые (по преимуществу четырехсогласные) существительные арабского происхождения образуют множественное число по характерным для арабского языка моделям «ломаного множественного»: *karwan* 'караван' — мн. ч. *karewən*, *xanžar* 'кинжал' — мн. ч. *xanežər*, *zəŋžir* 'цепь' — мн. ч. *zinežər*, *žemə* 'мечеть' — мн. ч. *žuwemə*?. Такие образования соответствуют арабской модели ломаного множественного $C_1aC_2āC_3iC_4$ с характерным для анатолийского арабского сдвигом $\bar{a} > \bar{e}$ (?imāla). О. Ястров сообщает о возможности использования арабских форм множественного числа для некоторых других арабизмов, однако, по его наблюдениям, это явление встречается нечасто.

Имеются существительные, которые употребляются как *pluralia tantum*: *ħaye* 'жизнь', *maye* 'вода', *nəħre* 'кал, экскременты', *nħire* 'нос'.

Изредка существительные используют различные формы множественного числа в разных значениях: *rišo* 'голова' — мн. ч. *riše* vs. *rišo* 'предводитель' — мн. ч. *rišone*.

Все исконно арамейские прилагательные с исходом на *-o* образуют множественное число на *-e* (*komo* 'черный' — мн. ч. *kome*). Данный показатель используется при согласовании во множественном числе с любыми существительными вне зависимости от того, каким показателем маркируется множественное число существительного.

О выражении категории числа у глаголов и местоимений см. 2.4.0.

Количественные числительные первого десятка: *ħa* 'один', *ħdo* 'одна', *tre* 'два', *tlofo* 'три', *arbfo* 'четыре', *ħamšo* 'пять', *ašto* 'шесть', *šawfo* 'семь', *tmanyo* 'восемь', *tašfo* 'девять', *šašro* 'десять'. В диалекте деревни Мидин числительные начиная с двух имеют одну вышеприведенную форму (по Ястрову), которая сочетается с именами мужского и женского рода. В других диалектах Т.я. приведенные выше формы числительных с трех до десяти сочетаются с существительными мужского рода, в то время как при существительных женского рода используется отличная от них серия форм с консонантным исходом (приводятся по грамматике А. Зигеля): *tloṭ*, *arbaṣ*, *ħam(m)iš*, *šet*, *švaṣ*, *tmone*, *čaṣ* (*čaḥ*), *ħsar*. Таким образом, противопоставляются сочетания типа *tlofo abne* 'три сына' vs. *tloṭ niše* 'три женщины'. Числительное «два» также имеет две формы: *tre* (с именами мужского рода) vs. *tarte* (с именами женского рода).

Числительные второго десятка: *ħdaħsar* 'одиннадцать', *traḥsar* 'двенадцать', *tloṭaḥsar* 'тринадцать', *arbaḥsar* 'четырнадцать', *ħamšaḥsar* 'пятнадцать', *aštaḥsar* 'шестнадцать', *šwaḥsar* 'семнадцать', *tmonaḥsar* 'восемнадцать', *tšaḥsar* 'девятнадцать'.

Числительные круглых десятков: *šasri* 'двадцать', *tleti* 'тридцать', *arbfi* 'сорок', *ħamši* 'пятьдесят', *ašti* 'шестьдесят', *šawfi* 'семьдесят', *tmoni* 'восемьдесят', *tašfi* 'девяносто'.

Сотни и тысячи: *mo* 'сто', *tremo* 'двести', *tloṭomo* 'триста', *alfo* 'тысяча', *tre alfaye* 'две тысячи' и т. д.

Пример сложного числительного: *alfo u taššomo u ħamšo-w-tleṭ* 'тысяча девятьсот тридцать пять'.

Числительные употребляются с исчисляемым во множественном числе.

Особые формы порядковых числительных ограничиваются формами *qamoyo* 'первый' (ж. р. *qamayo*), *tani*, *teni* 'второй', *teləṭ*, *telət* 'третий' (последние две формы, не имеющие параллелей женского рода, заимствованы из арабского). Значения «четвертый» и т. п. выражаются сочетанием относительного местоимения *d-* с артиклем множественного числа и соответствующей формой количественного числительного: *d-ann-arbfo* 'четвертый', *d-aḥ-ħamšo* 'пятый' и др.

2.3.4. При глагольном сказуемом в претерите эргативного спряжения субстантивное подлежащее получает в большинстве диалектов Т.я. маркер *l-*: *l-aʔ-ʔamalikaniye kšiffe aṭ-turonaydan* 'Американцы открыли наши горы'. Этот показатель отсутствует в диалекте деревни Мидин, описанном в работах О. Ястрова: *0-faṭəme mnaqela-la arbfi bnoṭe* 'Фатима отобрала для себя сорок девушек' (в историческом плане эта черта является инновацией, см. статью «Арамейские языки» в наст. издании и ниже 2.3.5.). При глагольном сказуемом других типов подлежащее-существительное не имеет специального показателя ни в одном из диалектов Т.я.

Прямое дополнение-существительное не обладает специальным маркером: *g-koraṭ ak-kefe* 'Он будет грызть камни'. С точки зрения истории арамейских языков интересно, что в Т.я. для маркирования прямого дополнения-существительного — независимо от семантики определенности и типа сказуемого — не используется показатель *l-*, характерный для восточных среднеарамейских языков.

Если прямое дополнение выражено местоимением, способ его оформления зависит от типа спряжения глагольной формы.

При глаголах с абсолютивной флексией местоименный объект вводится *l*-содержащими местоименными энклитиками (см. 2.4.0.). Различие между прямым и косвенным объектом устанавливается только по контексту. Так, форма *k-obe-le* может значить как 'он дает **ему**', так и 'он дает **его**'.

В форму эргативного претерита инкорпорируются прямые дополнения-местоимения 3-го лица, если при том же глаголе нет косвенного местоименного дополнения (см. 2.3.5., 2.4.0.).

Косвенное дополнение-существительное вводится предлогом *l-*: *faṭme hula əzn l-ann-arbʕi bnote d-kanne aṣma* 'Фатима отдала приказ **сорока девушкам**, которые были с ней' (диалект Мидина), *k-ṣobəd l-u-alohayde* 'Он служит **своему богу**'. Косвенное дополнение-местоимение при всех типах глагольных основ выражается с помощью *l*-содержащих энклитик, при этом для 1-го и 2-го лица различие между прямым и косвенным дополнением устанавливается лишь контекстуально. При формах императива единственного числа противопоставляются аккузативные и дативные энклитики 3-го лица, для 1-го и 2-го лица имеется лишь одна серия энклитик. При формах императива множественного числа выступает единая серия энклитик во всех лицах и числах, выражающая оба значения. Примеры см. в 2.4.0. (парадигмы глаголов с местоименными энклитиками).

Глагол может управлять двумя местоименными дополнениями, прямым и косвенным. Если прямым дополнением является местоимение 3-го лица, то косвенный объект выражается *l*-содержащей энклитикой, а прямые дополнения выражаются не различающимися род формами *-uo* (ед. ч.)/*-ne* (мн. ч.), присоединяемыми к косвенным местоименным дополнениям справа. Это относится, в частности, к эргативному претериту: при наличии косвенного местоименного дополнения прямое местоименное дополнение 3-го лица уже не включается в его основу (*hule₁-lan₂-uo₃* 'он дал₁ нам₂ **его/ее₃**', *hulax₁-li₂-ne₃* 'ты дал₁ мне₂ **их₃**'). Местоимения 1-го и 2-го лица в качестве прямых дополнений выражаются *l*-содержащими энклитическими формами, а косвенное дополнение при том же глаголе кодируется постпозитивной предложной группой, возглавляемой предлогом *l-*: *hulax₁-lan₂ el-e₃* 'ты дал₁ нас₂ **ему₃**'.

П о с е с и в н а я связь выражается с помощью nota genitivi *d(ə)*: *ḥaylo d-aloho* 'сила Бога'. Кроме того, Т.я. сохраняет древнюю общерамейскую генитивную конструкцию с пролептической местоименной энклитикой при вершинном имени (*felg-e d-dinoro* 'половина динара'). Сфера применения этой конструкции ограничена существительными, принимающими местоименные энклитики первого типа (см. 2.4.0.). Ее диахроническая преемственность по отношению к общерамейской конструкции нарушается тем, что пролептическая энклитика всегда имеет форму *-e* (ед. ч. м. р.) вне зависимости от рода и числа зависимого имени: *ḥaṣ-e d-i-səsto* 'спина кобылы'.

Основа *diq-* (*dəṭ-*) с местоименными энклитиками служит для образования притяжательных местоимений: *diq-i* 'мой', *diq-e* 'его', *diq-an* 'наш', *dəṭte* 'их', *dəṭxu* 'ваш'.

П р о с т р а н с т в е н н ы е отношения выражаются предлогами. Важнейшие предлоги, описанные О. Ястровым: *af* 'на', *ʕal* 'над', *ʕam* 'с', *b* 'в', *bari* 'перед', *bayne* 'между', *bəṭre* 'позади', *dədd* 'против', *gab* 'при', *l* 'к, для', *me* 'от, из', *qəl* 'перед', *taḥte* 'под', *xəd* 'подобно', *ṣḥayni* 'кроме'.

2.3.5. В глаголе Т.я. продуктивными словообразовательными, флективными и регулярными аналитическими средствами выражаются значения времени, модальности, а

также переходности и залога. Что касается аспектуальной семантики, то грамматическими средствами она выражается слабо (см. ниже при описании временных отношений).

К наиболее важным морфологическим средствам у глагола Т.я. относятся *п о р д ы*, а в каждой из пород — два типа флективных основ, претерит и инфект.

Морфологически различаются три породы: исходная и две производные (с исторической и отчасти с синхронной точки зрения). Одна из производных пород восходит к общеарамейской интенсивной породе *paʕʕel*, другая — к общеарамейской каузативной породе *ʔapʕel*. В настоящем описании этим трем породам, вслед за О. Ястровым, присваиваются наименования I, II и III соответственно.

Наиболее ясное формальное выражение находит временная семантика: у всех трех пород довольно четко противопоставляются основы претерита, служащие для выражения прошедшего времени, и основы инфекта, преимущественно выражающие временные значения настоящего и будущего. От основ этих двух типов образуются (отчасти аналитически) формы с конкретными временными, а также модальными значениями.

Оппозиция переходных и непереходных основ в той или иной мере проявляется как в инфекте, так и в претерите всех пород.

И н ф е к т и п р е т е р и т г л а г о л ь н ы х п о р о д

Породы	Инфект		Претерит	
	переходный	непереходный	переходный	непереходный
I	qotəl	qotəl, maqtəl	qtəlle	qatəl, qīl (qtəlle)
II	mqaṭəl	miqaṭəl (mqaṭəl)	mqaṭalle	mqaṭəl (mqaṭalle)
III	maqtəl	mitaqtəl (maqtəl)	maqtalle	maqtəl/mtaqtəl (maqtalle)

П р и м е ч а н и е: Запятой разделены основы с базовым непереходным значением, распределенные в некоторой степени лексически; в скобках указаны этимологически переходные основы, используемые также и непереходными глаголами; косой чертой разделены диалектные варианты одной и той же основы.

Как видно из таблицы, все формы в колонке «переходный претерит» имеют элемент *-l-*: *qtəll-*, *mqaṭall-*, *maqtall-*. С синхронной точки зрения этот элемент следует считать частью основы, однако ради большей наглядности в представлении материала ниже иногда будет говориться об «*l*-флексии».

В претерите I породы значение переходности глагола в определенной степени коррелирует как с формой основы, так и с флексией, хотя полностью предсказуемых связей между значением и формой нет.

Переходные глаголы I породы в большинстве своем имеют в претерите *l*-форму (претерит *qtəlle*), а непереходные глаголы I породы как правило имеют другие основы (*qatəl* и *qīl*) и другой тип флексии; о происхождении разных видов претерита I породы в Т.я. см. статью «Арамейские языки» в наст. издании, а также краткие указания ниже. О. Ястров называет *l*-флексию претерита «эргативной». Выбор этого названия имеет некоторые основания, как исторические, так и синхронные.

С исторической точки зрения, суффиксальные показатели агенса в парадигме *l*-претерита образовались из предложных групп, возглавляемых предлогом *l*- и включающих связанные формы личных местоимений. Следовательно, флективные суффиксы этого типа восходят к личным местоимениям в косвенном аналитическом па-

деже, что составляет аналогию с эргативным синтаксисом. Во всех трех породах Т.я. исторические основы, к которым присоединилась *l*-флексия «эргативного» (преимущественно переходного) претерита, являются основами пассивных среднеарамейских причастий, соответственно G-, D- и K-пород. Таким образом, в Т.я. обнаруживается конечный этап эволюции исходной пассивной результативно-перфектной конструкции в претеритальную эргативную, которая в свою очередь перешла в аккумулятивную. Этот диахронический путь аналогичен происхождению и последующей судьбе эргативной конструкции в ряде других языковых групп, прежде всего в иранских языках (см. также 2.5.3.).

В синхронном плане субстантивный субъект *l*-претерита в большинстве диалектов Т.я. (за исключением диалекта Мидина, описанного в грамматике и учебнике О. Ястрова) обычно вводится предлогом *l* как в переходных, так и в непереходных предложениях, т. е. тоже оказывается в косвенном аналитическом падеже: *ʕal at-tiʕʕo yarʕe l-aloʕo hule-la abro* 'Через девять месяцев **Бог** дал ей сына', *l-aloʕo xlaʕle* 'Бог создал его', *maʕʕamle l-u-paʕa* 'Паша поужинал', *azzele l-u-ʕadodo* 'Кузнец ушел'. В предложениях, глагольные сказуемые которых имеют другие формы, подлежащее не получает специального показателя: *lebe basam* 'Его сердце радовалось', *an-naʕime ʕamiʕi₂ qolan₃* 'Дети₁ слышали₂ наш голос₃', *i-tarʕo ko-loʕʕo u-nafal* 'Корова пожирает клевер', *u-malko ʕaʕrayto k-qoam* 'А утром **царь** встает...' (см. также 2.3.4.). Претеритальные основы всех пород, объединенные в таблице в колонку «непереходный претерит» и не имеющие элемента *l*-, имеют одинаковую флексию (тождественную флексии основ инфекта), которая исторически восходит к личным местоимениям в именительном падеже, при этом в зависимости от контекста эти основы могут иметь непереходное либо пассивное значение. Таким образом, личные суффиксы, употребляющиеся с этими претеритальными основами, кодируют единственный обязательный аргумент в непереходных предложениях, а также пациенс в пассивных предложениях, что тоже составляет параллель с эргативным строем. Поэтому такая флексия претерита называется в настоящем описании «абсолютивной». Из сказанного следует, что это название применимо и к самим основам непереходного претерита, так как различие между непереходной и пассивной семантикой у этого типа основ не находит недвусмысленного формального выражения.

С диахронической точки зрения все представленные в таблице основы имеют отыменный генезис: они происходят от среднеарамейских предикативных отглагольных прилагательных (или причастий, как принято называть большинство из них в семитской филологии). Так, в I породе непереходный претерит *qaʕal* происходит от отглагольного прилагательного **qaʕʕil*, которое в классическом сирийском языке свободно образовывалось от глаголов со стативными непереходными значениями; непереходный претерит *qʕil* происходит от общеарамейского пассивного причастия I породы **qaʕil*; инфект *qoʕal* происходит от общеарамейского активного причастия I породы **qāʕil*; непереходный инфект *məqʕal* происходит от причастия среднеарамейской пассивно-рефлексивной /G-породы **mitqaʕil*. В II породе непереходный претерит *mqaʕal* происходит от пассивного причастия D-породы **mqaʕal*, переходный инфект *mqaʕal* происходит от активного причастия D-породы **mqaʕʕil* (эти две древние причастные формы совпали в Т.я. под действием фонетических законов), непереходный инфект *miqaʕal* происходит от причастия среднеарамейской пассивно-рефлексивной /D-породы **mitqaʕal*. Та же картина наблюдается в III породе: непереходный претерит и переходный инфект восходят к пассивному и активному причастиям K-породы соответственно (**maqʕal*

vs. *maqṭil), которые в Т.я. закономерно совпали в форме maqṭəl. Непереходный инфект III породы mitaqṭəl восходит к причастию среднеарамейской tK-породы (рефлексив каузатива) *mittaqṭal. В диалекте Мидина непереходный претерит III породы имеет облик mtaqṭəl. Это диахронически более поздняя форма, чем maqṭəl, возникшая, возможно, по просодической аналогии с непереходными основами II породы (miqatəl : mqaṭəl = mitaqṭəl : **mtaqṭəl**). Таким образом, следует иметь в виду, что почти все основы, классифицируемые в настоящем описании как «непереходные», восходят к причастиям внутреннего пассива или к причастиям пассивно-рефлексивных t-пород в среднеарамейском. Исключение составляют лишь претеритальная основа qaṭəl, восходящая к неактивному прилагательному, и инфектная основа qoṭəl, восходящая к активному причастию переходных и непереходных глаголов.

Далее описывается соотношение формы и значения у претеритальных образований I породы.

Претерит непереходных глаголов с основой qaṭəl: *damixono* 'я спала', *saliqina* 'мы поднялись (наружу)', *gaḥəq* 'он рассмеялся', *qanəʕ* 'он убедился/он дал себя уговорить', *karəx ləyul nošo li ḥzele* 'Он **искал** внутри, но никого не нашел', *taʕibi iḏoṭi* 'У меня **устали** руки', *u-layšo ḥaməʕ* 'Тесто подошло', *fayišo faṭeme tane* 'Фатима **осталась** одна', *ak-kazabaydi yaqidi* 'Мои внутренности **зажглись** <из-за слов, которые ты мне сказал>'.³

Абсолютивный претерит с основой qaṭəl имеют также некоторые низкотранзитивные переходные глаголы (здесь и далее в качестве цитатной формы употребляется претерит в 3-м лице единственного числа мужского рода, он глоссирован формой русского инфинитива): *yalaf* 'изучать', *aḏəʕ* 'знать, узнавать' (*aḏəʕ-la* 'он узнал ее'), *abəʕ* 'хотеть', *taʕi* 'забывать', *šaməʕ* 'слышать' (*an-naʕime*₁ *šamiʕi*₂ *qolan*₃ 'Дети₁ **услышали**₂ наш голос₃').

У лабильных глаголов выбор основы претерита иногда зависит от значения: *naṭər yaḷabe* 'он **ждал** долго', но *nṭərle i-baxča* 'он **охранял** сад'. У нескольких глаголов (одноместных и двухместных) употребимы формы как l-претерита, так и претерита qaṭəl без очевидного различия. Х. Риттер полагает, что в этом случае l-претерит имеет ингрессивно-перфективный оттенок: *daməx* 'он спал' vs. *dməxle* 'он заснул', *kaḥən* 'он голодал' vs. *kḥalle* 'он проголодался', *faḥəm* 'он осознал/понимал' vs. *fhəmle* 'он понял'. Наряду с упомянутой выше абсолютивной формой претерита *šaməʕ* 'он (у)слышал' употребляется более редкая l-форма *šməʕle*, без заметного различия в значении.

L-претерит имеется у ряда глаголов I породы, управляющих лишь предложными дополнениями, и даже у некоторых одновалентных глаголов: *fsədle aʕle* 'Он оклеветал его (букв. **на него**)', *shədle aʕle* 'Он свидетельствовал против него', *hṣəmle ʕal* 'Он устремился на (к)', *xdəmli ʕal-ide*₂ *d-u-qašo*₃ 'Я прислуживал священнику', букв. 'Я служил₁ при₂ священнике₃', *yməzle b-ʕayne l-PN*, букв. '**Он подмигнул** своим глазом имяреку', *tfəkle* 'Он нырнул', *tfəkle bayn-am-mae* 'Он окунулся в воду', *brəkle* 'Он встал на колени' (наряду с *barək*), *ʕəʕkle* 'Он ползал на коленях', *frəqla* 'Она удалилась', *syədle* 'Он распростерся, совершил земной поклон', *frəsla* 'Она приготовила постель', *ḥfəxla* 'ее стошнило' (но также в переходной конструкции: *ḥayue ḥfəxla u-samayda* 'Змея **срыгнула** свой яд'); известен также пример возвратного глагола: *ḥləqli* 'я побрился' (наряду с переходным употреблением: *ḥləqqe* 'они побрили его').

L-претерит часто имеют переходные глаголы с неизменяемым взаимным местоимением *ḥdode* 'друг друга' в качестве прямого дополнения: *rḥimlan ḥdode* 'Мы полюбили друг друга', *griddē ḥdode* 'Они поругались'. Это местоимение может исполь-

зоваться с переходными *l*-претеритами и для описания ситуаций, которые, строго говоря, не являются реципрокальными: *li ɣləbbe h̄dode* 'Ни один из них не победил другого', букв. 'Они не победили друг друга'. *L*-претерит образуется у глаголов с возвратным местоимением *ruh-*, формально-синтаксически занимающим позицию прямого дополнения: *npəšle ruhe* 'он вырвался', *sməxle ruhe l-* 'он оперся о...', *pšəṭli ruhi* 'я распрявился', *šnəqle ruhe* 'он повесился', *xrəzla ruha bətre haše* 'Она пробралась к нему за спину', *fənle ruhe* 'он отправился (в путь)'. Известен также пример, в котором при *l*-претерите имеется как возвратное местоимение (в позиции прямого дополнения), так и взаимное, вводимое предлогом *b-*: *knəffe ruhayə bə-h̄dode* 'Они столкнулись друг с другом'.

У переходных глаголов I породы с *l*-претеритом часто образуется еще одна форма претерита, с абсолютивной флексией и основой *q̄tīl*. О. Ястров называет ее пассивной, а Х. Риттер — пассивно-рефлексивной. В действительности подлинно пассивная интерпретация у претеритов с этой основой встречается сравнительно нечасто, хотя исторически эта форма произошла от пассивной результитивной перифразы с предикатом-пассивным причастием и постпозитивным личным местоимением в номинативе, выражающим пациенс. Поэтому для описания значения претерита *q̄tīl* уместнее более общее название, например детранзитив. У детранзитивного претерита можно выделить следующие типы семантических интерпретаций (с учетом лексикализованных семантических сдвигов).

Декаузативная интерпретация: *u-tarfo ftiḥ* 'дверь открылась' (ср. *fəḥle u-tarfo* 'Он открыл дверь'), *h̄zeli ʕayno₁ fiḥo₂ b-i-dərtaydan* 'Я увидела (во сне): в нашем дворе пробился (букв. 'открылся₂') источник₁', *friš* 'он отделился' (*frašle* 'отделять'), *h̄niq* 'он утонул', *h̄niqo* 'она задохнулась' (ср. *h̄niqole* 'он задушил ee'); *lqiṭ b-lebi* 'мне подумалось (букв. 'в моем сердце собралось', *lqəfle* 'собирать')'; *tfiq ʕal* 'он наткнулся (на что-л.)' (*tfəqle* 'толкать'); *xliq aṣma zšuro* 'у нее родился сын' (*xləqle* 'создавать'); *msik b-u-faḥo* 'Он попался в западню' (ср. *msikole* 'он схватил/поймал ee'); *bšəžno m-u-reḥo* 'Я задохнулся от вони' (ср. *bšəžole* 'он задушил ee'); *fšino* 'она забеременела' (*fšənle* 'грузить на себя, поднимать'); *lziqi b-as-sisyatte* 'Они припали к своим коням (= вскочили на них)' (*lzəqle* 'прилеплять'); *lziqo i-ḥayya b-ide* 'Змея повисла у него на руке', *u-dewo xriz b-a-tre faḥe* 'Волк попался в обе ловушки' (*xrəzle* 'продевать, просовывать'); *xrizo lawṣul* 'Она пробралась внутрь'.

Рефлексивная интерпретация: *štiḥ b-i-šəmšo* 'Он разлегся (букв. 'распростерся') на солнце' (*šfəḥle* 'расстилать, раскладывать'), *pšəṭno ʕal i-qaryola* 'Я растянулся на кровати' (*pšəṭle* 'протягивать'), *xriz baynoṭayə* 'Он протиснулся между ними'. Более выразительные примеры рефлексивного прочтения, заметно отличающиеся от декаузативного, не найдены, при этом и приведенные выше случаи употребления переходных глаголов с прямым дополнением *ruh-* 'себя' не всегда можно назвать рефлексивными (ср. *npəšle ruhe* 'он вырвался', *fənle ruhe* 'он отправился в путь').

Реципрокальная интерпретация (в контексте взаимного местоимения): *u-dmaydan xliṭ ʕam h̄dode* 'Наша кровь смешалась', *xliṭo₁ i-ʕaskar ʕam h̄dode₂* 'Солдаты (в схватке) смешались₁ друг с другом₂', *lziqi bi-h̄dode* 'Они прижались друг к другу'.

Пассивная интерпретация: *ɣlib* 'он был побежден', *žriḥ* 'он был ранен', *lo msik* 'он не был пойман', *qšif u-balad d-aq-qaṭune* 'Страна кошек была уничтожена', *ršim qašo* 'Он был рукоположен в священники', *dwiš b-i-kərfo* 'Он был укушен змеей'.

Антипассивная интерпретация: *lbik ʕam i-ḥmərto* 'Он связался с ослицей' (ср. *lbikole* 'он овладел ею').

Претерит с основой *qtīl-* может образовываться и у глаголов с непереходным словарным значением. В этом случае он употребляется в форме 3-го лица единственного числа мужского рода, которая имеет неопределенно-личное значение: *ʕbir l-u-bayt-ano* 'в этот дом **вошли**', *dmix larwal* 'спали снаружи (= на крыше)'; *rʕim harke šāšwone* 'Здесь **кишело** муравьями'.

Так как в словоизменительных парадигмах претеритам *qtālle* и *qaṭəl* соответствует инфект *qaṭəl*, а претериту *qtīl* соответствует инфект *məqtəl*, то можно утверждать, что Т.я. располагает некоторыми возможностями для морфологического противопоставления значений переходности и в системе инфекта I породы. Ниже приводятся глагольные формы с разными оттенками детранзитивного значения, образованные от основы инфекта *məqtəl*: *li k-məfroqono mene* 'Я_{ж.р.} не отделяюсь от него', *gəm-məhnoqina* 'мы утонем', *gawro d-yawma məṭfəq aʕli* 'человек, который сегодня **попадет** мне навстречу', *g-məʕlobi* 'они будут побеждены', *tro məxloṭi bə-ḥdoḏe* 'Пусть они **смешаются** между собой!', *ko-məfrəhno* 'я_{м.р.} радуюсь (сейчас)', *g-məršəmno* 'я буду рукоположен (в священники)'. У непереходных глаголов инфект *məqtəl* употребляется в неопределенно-личном значении: *ko-mədməx* '(здесь) спят/можно спать'.

Известна группа неактивных непереходных корней, имеющих в претерите I породы основу *qtīl*, а в инфекте — основу *məqtəl*: *ʕyil* — *məʕyəl* 'говорить', *ʕših* — *məʕšəh* 'радоваться', *ybin* — *məyban* 'злиться, раздражаться', *qḥir* — *məqḥar* 'гневаться', *ṭniḥ* — *məṭnəḥ* 'покоиться, отдыхать', *sniq* — *məsnəq* 'нуждаться'. Ср. следующие примеры: *ṭniḥ lebe* 'он успокоился', букв. 'его сердце успокоилось', *li g-məṭnəḥ lebi* 'мое сердце не успокоится', *k-məṭnohi* 'они отдыхают', *d-məʕšəh b-uwe* 'из-за которого он мог бы радоваться', *məʕšəhina* 'давайте радоваться', *gəm-məsnəqina-lle* 'мы будем нуждаться в них'. Эти глаголы можно считать депонентными: при морфологически непроизводном непереходном значении они имеют исторически пассивные основы.

Регулярным способом образования производных переходных глаголов является III порода (общеарамейский ʔarʕel, или К-порода). Как полагал Х. Риттер, почти от каждого глагола исходной породы может образовываться также и глагол каузативной породы. Единственным собственно лексикографическим пособием по Т.я., с помощью которого можно изучать морфологические способы повышения валентности глагола, а также значения производных пород, является список глагольных корней и их дериватов в учебнике О. Ястрова: в этот список включены корни, имеющие не менее двух производных глагольных лексем в текстах и упражнениях учебника. В списке содержатся 39 корней, все они представлены глаголами I породы, и почти все (36 корней) также глаголами III породы. Среди этих 36 корней есть лишь три, у которых в I породе имеется *l*-претерит: *štele* 'пить' > *maštele* 'поить', *imele* 'клясться' > *momele* 'принять (от кого-л.) клятву', *zbəṭle* 'задержать' > *mazbəṭle* 'приказать задержать' (в других источниках можно обнаружить и другие аналогичные примеры: *ḥbəsle* 'заключать под стражу' > *maḥbasle* 'приказывать заключать под стражу', *lwəšle* 'надевать (одежду), одеваться' > *malwašle* 'одевать (кого-л.)', *səmlle* 'делать' > *masamle* 'позволить сделать', *nšəqle* 'целовать' > *manšəqle* 'заставить поцеловать', *ʕənle* 'грузить на себя, поднимать' > *maʕfalle* 'грузить (на транспортное средство)'). Гораздо чаще встречаются производные глаголы III породы, которые являются дериватами глаголов I породы с претеритом *qaṭəl* (как следует из сказанного выше, они, как правило, непереходные): *saləq* 'подниматься' > *maslaqle* 'поднимать', *ati* 'приходить' > *maytele* 'приносить, приводить', *ʕabər* 'входить' > *maʕballe* 'вводить', *aḏəʕ* 'знать' >

moḏaʕle ‘сообщать’, *qanəʕ* ‘убедиться’ > *maḡnaʕle* ‘убедить’, *taʕəb* ‘уоставь’ > *matʕable* ‘утомлять’.

По модели III породы образуются также переходные дериваты депонентных глаголов I породы: *fʕiḥ* ‘радоваться’ > *maʕṣaḥle* ‘радовать’, *ʕbin* ‘злиться, раздражаться’ > *maʕbanle* ‘злить, раздражать’, *qḥir* ‘гневаться’ > *maḡḥarle* ‘гневить’, *ṭniḥ* ‘покоиться, отдыхать’ > *maṭnaḥle* ‘успокаивать’.

Таким образом можно предположить, что III порода используется в частности как морфологическое правило для образования переходных глаголов от непереходных глаголов I породы. Возможно, что для арамейских непереходных корней статус III породы в Т.я. приближается к словоизменительному, однако следует иметь в виду, что количество непереходных глаголов с претеритом *qaṭəl*, вероятно, относительно невелико.

Производные глаголы III породы в сочетании с предложной группой *b-ruḥ-* ‘в себе’ (она согласуется с подлежащим за счет связанных местоимений) имеют значение «делать вид, что Р», где Р — ситуация, выражаемая производящим глаголом. Во всех известных случаях производящие (и, следовательно, производные) глаголы имеют непереходные значения, например *madmaxli b-ruḥi* ‘я притворился спящим’, *taməṭle b-ruḥe* (< *mauət*) ‘он притворился умирающим’, *maḡḥarle b-ruḥe* ‘он сделал вид, что гневается’.

В Т.я. есть немало глаголов III породы, не включенных в отношения повышающей актантной деривации (III-tantum). Среди глаголов этого типа, имеющих арамейское происхождение, можно упомянуть *masule* (\sqrt{syw}) ‘стареть’, *maḡraṭle* ‘завтракать’ (ср. кл. сир. *qarret* D ‘грызть’), *maʕrele* ($\sqrt{ʕry}$) ‘обедать’ (ср. кл. сир. *ʕaʕri* K ‘завтракать’), *maḥṣamle* ‘ужинать’ (ср. кл. сир. *ʕaḥsem* K ‘принимать пищу, ужинать’), *mbele* (\sqrt{ybl}) ‘нести, вести’, *mazraḡle* ‘мочиться’ (ср. кл. сир. *zrq* G ‘брызгать, кропить, разбрасывать’, K ‘проливать’), *mabraḡle* ‘блестеть’ (ср. кл. сир. *brq* G ‘блестеть’), *mašraʕle* ‘испражняться’ (ср. кл. сир. *šrf* G ‘соскальзывать’, K ‘ронять’), *mašraḡle* ‘свистеть (= играть на свирели)’ (ср. кл. сир. *ʕašreq* K ‘свистеть’), *mazʕaḡle* ‘кричать’ (ср. кл. сир. *zʕq* G и K ‘кричать’).

Значительную часть глаголов III-tantum в Т.я. составляют арабизмы — переходные и непереходные глаголы, часто из базового слоя лексики (порода этимона приводится по данным литературного арабского, хотя заимствование шло из устных диалектов): *maʕlamle* ‘сообщать’ (< *ʕlm* IV), *matlaʕle* ‘уничтожать’ (< *tlf* IV), *mahzamle* ‘обращаться в бегство’ (< *hzm* VII), *maʕʕable* ‘испытывать симпатию’ (< *ʕzb* IV), *maḥḥable* ‘приветствовать’ (< *rḥb* II), *mabraʕle* ‘оставлять навоз’ (< *bʕr* II), *manfaʕle* ‘быть полезным’ (< *nʕf* I), *maḡlaḡle* ‘беспокоиться’ (< *qlq* I), *maslamle* ‘покоряться, смиряться’, ‘передавать’ (< *slm* II, IV), *matrakle* ‘оставлять’ (< *trk* I), *mašraʕle* ‘тратить, расходовать’ (< *šrf* I), *mahlakle* ‘губить’ (< *hlk* IV), *makramle* ‘читать’ (< *krm* IV), *maʕzamle* ‘приглашать’ (< *ʕzm* I), *maʕmarle* ‘строить’ (< *ʕmr* I).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди синхронно непроизводных глаголов III породы обнаруживается большое количество непереходных, хотя исторически основным значением этой породы является добавление аргумента. То, что непереходные глаголы III породы встречаются среди арабизмов, объясняется тем, что III порода конкурирует с I и II породами как средство адаптации заимствованных глаголов. Однако среди непереходных глаголов III породы есть и элементы базового словаря, основанные на арамейском корневом фонде, например *masule* ‘стареть’, *mazraḡle* ‘мочиться’, *mašraʕle* ‘испражняться’. Такие факты позволяют предположить, что в исторический период каузативная семантика III породы стала стираться.

Как упоминалось выше, у переходных глаголов III породы детранзитивная форма претерита в большинстве диалектов имеет облик *mqaṭəl*, а в диалекте Мидина — *mtaṭəl*. По свидетельству грамматик О. Ястрова и Х. Риттера, детранзитивные формы III породы употребляются довольно редко. Они имеют набор интерпретаций, сравнимый с частными значениями детранзитивных форм I породы, но с заметным преобладанием пассивных прочтений: *u-bayto maṭmār* 'Дом **был построен**' (ср. ту же форму в неопределенно-личном значении, без согласования с семантическим объектом: *maṭmār bōte harke* 'Здесь **построили**_{ед. ч. дома}', *k-mitaṭmār bayto b-dukt-aṭe* 'На этом месте может быть построен дом'), *maṭmād* (в Мидине *mtaṭmād*) 'он крестился/был крещен', *k-mitaṭbār* 'он может быть впущен', *am-mae qamoye lazəm d-mitakfixi* 'Надо, чтобы первая вода была вылита', *k-mitarṭiḥ* '(Это блюдо) готовится' (*marṭaḥle* 'готовить'), *k-mitakrixi* 'они обмолачиваются', *ko-mitaniḥi* 'они могут быть вылечены' (*√nyḥ*), *d-mitahwe-le* 'чтобы это_{м. р.} было дано ему' (ср. I *l*-претерит *hule* 'давать'), *k-mitawkəl* 'Это может быть отдано на съедение', *malifo ḥayye ṣar-rayle* 'Змея **обвилась** вокруг его ноги' (*√lyf*), *g-mitalif mede ṣal-am-mae* 'Что-то **передвигается** по воде, **извиваясь**', *d-mitaṭiqo aṣlux* 'когда тебе будет худо' (*√ṣuq* с базовым значением 'испытывать тесноту').

В значении пассива или декаузатива по отношению к претериту переходных глаголов III породы нередко употребляются глаголы I породы, имеющие в этом случае претерит *qaṭəl*: *ṣamər bi-ṣat-ate u-bayt-ano* 'Этот дом построился/был построен в этом году' (ср. *maṣmarle* 'строить'), *i-makina ṣabiro l-u-bayto* 'Машина доставлена в дом' (*maṣbarle* 'приносить'), *ṣaməd* 'он крестился/был крещен' (*maṣmadle* 'крестить'). Х. Риттер сообщает, что, по мнению одного из его информантов, *maṭmār* 'он был построен' предполагает наличие строителя, в то время как при *ṣamər* агенс не предполагается. Насколько известно, формы инфекта I породы не используются в качестве детранзитивных дериватов инфекта III породы.

II порода, согласно грамматикам Ястрова и Риттера, слабо встроена в отношения синхронной деривации в Т.я. Вероятно, ее морфологический облик сам по себе не кодирует каких-либо производных значений из семантической области залога и транзитивности. Тем не менее можно отметить некоторое количество синхронно отглагольных лексем II породы, по значению прозрачно соотносящихся со своими этимонами в I породе: *ftaḥle* 'открывать' > *mfataḥle* 'обрабатывать землю' (*mfataḥle i-arḥo* 'Он обработал земельный участок'), *bašəl* 'готовиться (о пище)' > *mbašele* 'приготовлять (пищу)', *ṣaḥən* 'согреваться' > *mšaḥanle* 'согреть', *ṣažəz* 'уставать' > *mšažəzle* 'утомлять'.

Синхронно непроизводные одностепенные глаголы II породы арамейского происхождения имеют *l*-претерит и соответствующий ему инфект *mqaṭəl*: *mṣaraṭle* 'выпускать ветры', *mdagele* 'лгать', *māštaṭe* 'играть', *mṣarawle* 'приближаться', 'служить литургию', *mḥalaxle* 'идти, передвигаться' (*mḥalaxxe b-u-darbo mṣarawwe ṣal-u-ṭuro d-u-kəkwō* 'Они отправились (своим) путем (и) приблизились к Звездной Горе'), *mṣadamle* 'подходить', *mbaṣaṭle* 'рыться' (*mbaṣaṭle b-u-zol-awo ḥzele tarḥo* 'Он поковырялся в этом мусоре и нашел дверь').

Морфологический облик II породы (как и двух остальных пород) используется для адаптации заимствованных глаголов, при этом непереходные глаголы II породы получают *l*-претерит и инфект *mqaṭəl*, как и приведенные выше исконные глаголы: *mṣatele* 'сражаться', *mḥalaṣle* 'кидаться, устремляться', *mṣabaṣle* 'оставлять помет (о мелком рогатом скоте)' (< *sbq* II), *mṣamaṣle* 'быть жадным' (< *ṣmṣ* I), *mṣarake* 'участ-

воватъ' (< *šrk* I)', *mšaraṭle* 'биться об заклад'. Выборочный этимологический анализ обширного лексического материала, собранного в грамматике Х. Риттера, заставляет предположить, что в Т.я. среди непереходных глаголов-арабизмов III порода явно преобладает над II породой. Возможно, это объясняется тем, что в Т.я. III порода более продуктивна, чем II порода.

Многие «непереходные» ситуации в Т.я. выражаются глаголами II породы с абсолютивными основами (*mqaṭəl/miqaṭəl*), которые находятся в отношениях семантической (де)каузативной деривации с переходными основами тех же глаголов II породы, например *mḥalaqle* 'кидать' — *mḥaləq ʕal* 'устремляться на что-л./к чему-л.', *mḥaləq bəṭre* 'преследовать кого-л.', *msakarle* 'губить' — *msakər* 'пропадать'; *mšalaqle* 'вешать' — *mšaləq* 'висеть' (*mšaləq u-ʕafro* 'Повисла пыль'); *ḥayarle* 'злить' — *mḥayər* 'злиться', *mgalele* 'обнажать' — *mgale* 'обнажаться', *mqaramle* 'причинять боль' — *mqarəm* 'испытывать боль' (*mqarəm lišoni b-u-mamro* 'Мой язык заболел от говорения', *yatuno ʕal i-šeno u mqarmo rayli* 'Я сидел на утесе, и моя нога заболела'). Абсолютивные основы II породы в контексте могут свободно получать и пассивное прочтение: *i-qaṭən ko-bʕo d-milamšo* 'Кошка хочет, чтобы ее гладили (букв. 'чтобы она была поглаженной')'. Вероятно, что некоторые непереходные глаголы II породы имеют лишь абсолютивные основы, но в отсутствие словаря проверить это трудно. Во всяком случае, есть примеры абсолютивных форм II породы, которые по семантике едва ли можно свести к декаузативу или пассиву: *k-miḥasəd* 'он завидует', *mibarxina* 'мы женимся (= хотим пожениться)', *d-mibarxi ʕal ḥdode* 'чтобы они поженились' (наряду с эргативной формой претерита II породы *mbarxole* 'он женился на ней'), *k-miʕarfi ʕam ḥdode* 'Они (все лучше) узнают друг друга', *mṭabqi aʕme* 'Они согласились с ним', *ʕayne mdamfi* 'Его глаза заслезились', *mṭamfi b-* 'они домогались чего-л.'. Встречается и варьирование в типе основы при одинаковом значении: *mḥarəm bə-ʕtambəl* 'Он остался (вопреки воле родителей) в Стамбуле' (диалект деревни Ивардо), но *mḥaramno harke* 'Я собираюсь остаться здесь' (тот же информант), *mḥaramle tamo* 'Он остался там' (диалект группы деревень Раите). В речи носителей Т.я. иногда наблюдаются колебания между формами III и II пород: *māḥsəd d-* 'он завидовал тому, что...' (в том же значении засвидетельствована абсолютивная форма II породы *mḥasəd*).

Абсолютивные формы всех пород (независимо от словарного значения переходности) в единственном числе могут иметь неопределенно-личное значение. Так, по свидетельству Х. Риттера в неопределенно-личном переходном значении «кидают» появляется абсолютивная форма единственного числа *k-miḥaləq* (II порода). Однако то же значение может выражаться и множественным числом переходных и непереходных основ: *mʕadbin-ne* 'их мучили', *lazəm d-masalmi-le* 'Необходимо, чтобы его перепедали', *solqi-wa* 'шел подъем (букв. 'они поднимались')'.

Из рассмотренного материала видно, что у всех трех пород семантические отношения между активными и детранзитивными основами для того или иного глагола иногда приближаются к словообразовательным.

Как следует из приведенных выше примеров, возвратное местоимение *ruḥ-* выступает как продуктивное средство для образования непереходных глаголов от переходных, часто с идиоматичным производным значением: *mḥalqina ruḥ-ayna l-u-bayttayde* 'Давайте пойдем к нему домой!' (< *mḥalaqle* 'кидать').

Временные отношения в глаголе Т.я. выражаются рядом форм, образующихся от спрягаемых основ инфекта и претерита.

Одновременность с моментом речи или точкой отсчета в прошлом выражается презенсом, который образуется от инфекта приставкой *k-/ko-*. Перед согласными чаще появляется алломорф *ko-*, перед гласными — *k-*, который используется также с инфектом глагола *howe* ‘быть, становиться’, вытесняя начальный согласный (*k-owe* ‘он возникает’). Х. Риттер сообщает, что по общему мнению его информантов *k-/ko-* имеет значение *ište* ‘вот’, т. е. это дейктическая презентативная частица. В арамейстике распространено мнение, согласно которому эта приставка восходит к глаголу *qwt* ‘вставать, быть в процессе’ (обращает на себя внимание тот факт, что этот глагол сохранился в Т.я. в своем обычном фонологическом облике). Можно предложить и альтернативную этимологию: *ko-* восходит к общеарамейскому дейктическому наречию **kā* ‘здесь’.

Примеры употребления дейктического презенса: *ko-goḥəq ašle* ‘он смеется над ним (сейчас)’, *k-rožəf* ‘он дрожит (от страха)’, *ko-solqo* ‘она поднимается (по склону)’, *lo ko-domaxno* ‘я не сплю’, *nošo lo-k-oḏašše bnoṯe* ‘Никто не принимает их за женщин’ <потому что эти девушки переодеты солдатами>, *ayna d-ko-ḥoze-la k-obe-la* ‘Всякий, кто видит ее, приветствует ее’ (последние два примера взяты из устного рассказа, где часто используется «сценический презенс» для драматизации повествования). Примеры таксисного презенса: *ḥzeli ḥa mʿallim k-moḥe ḥa zšuro* ‘Я видел, (как) учитель бьет ученика’, *ḥzele zlam kal ko-zorəš karmo* ‘Он увидел, что вот (некий) человек **разбивает** виноградник’.

Частица *ko-* может распространять свое действие на несколько предикатов в инфекте, поэтому ее следует считать не классическим префиксом, а скорее оператором на уровне предложения: *an-noše k-əzzan u-oṯən* ‘Люди уходят и приходят’, *k-azzino maṯnaḥno lebi šal-awo* ‘Я пойду (и) вымещу свой гнев (букв. ‘успокою свое сердце’) на нем’. Как видно из последнего примера, презенс может употребляться и в значении намерения (или «будущего ближайшего»). Презенс используется также в перформативном значении: *ko-ṯelbono m-aloho u m-aq-qadiše* ‘**Я**_{ж.р.} **прошу** (у вас,) Бог и святые!’’, *k-maḥzimina-lox* ‘Мы приглашаем тебя_{м.р.}!’’.

Следование ситуации за моментом речи выражается футурумом. Он образуется от инфекта посредством приставки *gəd-*, которой свойственна сложная алломорфия в зависимости от диалекта и фонетических условий. Т. Нёльдеке в рецензии на публикацию О. Прима и А. Социна (1881 г., информант из Мидьяда) замечает, что эта приставка имеет форму [gəd] перед гласными и [gə] перед согласными: *gəd-oxli-lan* ‘они съедят нас’, *gə-šoqlitu* ‘вы возьмете’. По О. Ястрову, в диалекте Мидина дистрибуция вариантов этой морфемы выглядит в общих чертах следующим образом: [g-] перед звонкими согласными (*g-maṯəṯ* ‘ты_{м.р.} умрешь’), [k-] перед глухими (*k-foyəš* ‘он останется’), [gə-] перед консонантным кластером (*gə-mḥaləq* ‘он бросит’), [gd-] перед гласными (*gd-oṯe* ‘он придет’). Этимология этой приставки неизвестна.

Базовой формой прошедшего времени (в частности, в повествовании) является претерит. Как видно из примеров предложений с претеритом, приведенных при описании переходности и залога, претерит (как и футурум) нейтрален по отношению к видовой семантике. Ср. пример, где в контексте рассказа претерит имеет имперфективное прочтение: *u-karwanano mhalaxle* ‘Караван шел (своим путем)’. Вероятно, что претерит может иметь значение как «простого прошедшего», так и перфекта, однако яркие примеры перфектной интерпретации привести трудно, поскольку записи подлинных спонтанных диалогов не публиковались. О. Ястров постулирует для Т.я. особую форму перфекта, которая образуется от претерита посредством «презентной»

дейктической частицы *k-/ko-*. Г. Гольденберг оспаривает эту интерпретацию, полагая, что вхождения этой конструкции, найденные им в опубликованных текстах, обычно обнаруживают семантику выводного (а не «наглядного») знания, в общих чертах сравнимую со значением эвиденциальных форм в турецком языке. Ср. примеры, ставшие доступными уже после публикации статьи Гольденберга: *eh k-aṭi u-mʕallim* 'Вот пришел учитель' (наблюдатели делают такой вывод всякий раз, когда видят собаку учителя, за которой он следует на некотором расстоянии), *hano dəkte d-raylo d-gamlo-yo ko-šapīšo harke-va* 'Это следы верблюда: он **прошел** здесь', *k-hulox-li u-baxšiš dīdī* 'Ты дал мне мой подарок', *qum k-aṭi u-malāxo* 'Вставай! Ангел (смерти) **пришел!**', *ḥirre kal ko-nafəq kero d-ḥimše* 'Они посмотрели: вот (там) **вырос** кустик турецкого гороха'. Образование подлинного дейктического перфекта от базовой формы прошедшего времени представляется маловероятным, однако и гипотеза Гольденберга едва ли объясняет все примеры, поэтому в отсутствие специальных исследований мы не можем определить, как именно презентативная частица *k-/ko-* модифицирует значение претерита.

Для кодирования длящихся и хабитуальных ситуаций в плане прошедшего используется имперфект. Он образуется от инфекта за счет суффиксации или инфиксации морфемы *-wal-way-*: *-way-* инфигируется в формы 1-го лица между основой и флективным суффиксом, в остальных случаях суффируется *-wa* (см. парадигму имперфекта в 2.4.0.). С исторической точки зрения имперфект является продуктом грамматикализации перифразы «действительное причастие + спрягаемые формы прошедшего времени глагола *ḥwy* 'быть'», которая было продуктивна в классическом сирийском языке и близком к нему среднеарамейском вернакуляре, ставшем предком Т.я. Полисемии имперфекта можно проиллюстрировать примером Х. Риттера: форма *mosək-wa* в контексте может значить «он ловил» (время от времени, занимался ловлей профессионально и т. п.) либо выражать процесс «он ловил» (в момент наблюдения в прошлом). Иногда форма имперфекта включает и «презентную» частицу *ko-lk-*, которая, по-видимому, не влияет на семантику этой формы: *lo ko-foham-wa mede* 'Он ничего не понимал'.

Хабитуальные ситуации в плане настоящего и прошедшего могут выражаться также формой футурума: *gəd-omal-le* 'он говорит ему' (периодически), *gəd-ote* 'он приходил' (время от времени), *aš-šuroye d-ṣiwardo gəd-əzzehən* 'сирийцы–жители Ивардо выходили <из деревни в поисках дров>'.

В повествовании для выражения фоновой ситуации, предшествующей какой-либо ситуации основной линии рассказа, используется плюсквамперфект (о его форме см. 2.4.0.). Плюсквамперфект обычно появляется в независимых фоновых предложениях, так как в придаточных в таком случае как правило употребляется претерит (см. 2.5.4.): *yalabe gawro towo-wa əšme nafəq-wa b-u-qa-tur-awo* '(Он) был очень достойным человеком, его имя было известным (букв. 'выдавалось') на всем Нагорье' (зачин рассказа). Плюсквамперфект образуется от претерита, абсолютного и эргативного, посредством морфемы *-wal-way-*: *gaḥəkwayno* 'я смеялся', *gaḥikiwa* 'они смеялись', *nšəqwaylax* 'ты поцеловала его'.

Волитивные м о д а л ь н ы е значения морфологически выражаются двумя косвенными наклонениями, императивом и юссивом. Императив в Т.я., как и в классических семитских языках, имеет лишь положительные формы 2-го лица (см. 2.4.0.): как и в большинстве семитских языков, императив в Т.я. несовместим с отрицанием.

Активный императив I породы представляет собой единственное морфологическое образование, сохранившее основу общеарамейского префиксального спряжения:

nšaq ‘целуй’, *nšaqu* ‘целуйте’. Во всех остальных случаях в качестве императивов обычно употребляются этимологически отпричастные формы на *m-* с основами, которые отличаются от соответствующих основ инфекта местом ударения и вокализмом последнего слога (см. 2.1.2., 2.4.0.). У I и II пород есть императив для детранзитива (см. 2.4.0.): *mətnáh* (в диалекте Мидьяда *mətnih*) ‘успокойся’, *məftéhu* ‘откройтесь’, *mitabát* ‘Веди себя тихо!’. Эта черта противопоставляет Т.я. классическим семитским языкам со словоизменительным залогом (прежде всего, литературному арабскому и древнееврейскому), в которых у флективного пассива не бывает императива. Для III породы императив детранзитива в имеющихся пособиях не засвидетельствован: вероятно, это объясняется тем, что детранзитивные формы III породы вообще употребляются редко.

Юссив имеет волитивное значение, близкое к значению императива. Морфологически он представляет собой спрягаемую основу инфекта, не осложненную временными префиксами (см. 2.4.0.). В независимых предложениях положительный юссив употребляется преимущественно в 1-м и 3-м лице, образуя тем самым единую модальную парадигму с императивом: *aloho howe ašmāx* ‘Пусть Бог будет с тобой!’, *nofəl ʕal-ay-yatumaydāx* ‘Пусть он (= твой дом) упадет на твоих сирот!’, *məfšohina* ‘Давайте радоваться!’. Отрицательная форма юссива образуется за счет отрицания *lo* (см. 2.3.6.). Юссив 2-го лица с отрицанием *lo* используется в качестве отрицательного императива: *lo ʕayrət* ‘Не гляди!’. В предложениях со сказуемым в юссиве очень часто употребляется частица *tro* ‘пусть’, восходящая к глаголу *trele* ‘позволять’: *tro maʕaʕbo-laḥa* ‘Пусть она выберет для себя кого-нибудь’ (букв. ‘одного’). Эта частица обычно непосредственно предшествует юссиву, но может появляться и перед одним из членов предложения слева от глагола: *tro-b-u-darbo moyatno* ‘Пусть я умру на (этом) пути!’. Отрицательный юссив 3-го и 1-го лица иногда вводится сочетанием частиц *tro-lo* ‘пусть не...’: *tro lo saymo u-medano* ‘Пусть она не делает этого!’. Юссив, как и императив, может соотноситься по форме и семантике с детранзитивными основами: *tro məbʕəʕ* ‘Пусть он задохнется <от гнева>!’.

О. Ястров не без основания называет юссив субъюнктивом, так как та же форма, т. е. спрягаемый инфект без клитизированных элементов, употребляется во многих типах придаточных предложений (см. 2.5.4.). Диахронические процессы, которые привели к тому, что в восточных новоарамейских языках спрягаемое причастие приобрело функцию волитива, рассматриваются в статье «Арамейские языки» в наст. издании.

Х. Риттер отмечает, что детранзитивный презенс может иметь значение возможности в пассивном смысле в плане настоящего-будущего: *li k-məšməʕ* ‘его нельзя услышать’, *k-məmsək* ‘его можно поймать’. Интересно, что и глаголы I породы с непременными корнями могут употребляться в той же форме (в принципе, им несвойственной), получая при этом примерно то же модальное значение: *k-mədmāx* ‘(тут) можно спать’.

2.3.6. Показателем определенности существительных является определенный артикль, имеющий следующие формы: ед. ч. м. р. *u-*, ж. р. *i-*, мн. ч. *a-*. Форма множественного числа артикля требует удвоения последующего согласного, за исключением тех случаев, когда существительное начинается с двух согласных: *ak-kərfe* ‘змеи’, но *a-freze* ‘поля, жнивьё’. Если слово имеет гласный анлаут, то после формы множественного числа артикля появляется либо удвоенный гортанный взрыв, либо (чаще) удвоенный *n*: *aʔ-ʔabnelann-abne* ‘сыновья’. Определенный артикль употребляется проклитически, образуя с существительным акцентное единство.

В грамматике Ястрова постулируется трехчленная парадигма неопределенного артикля (ед. ч. м. р. *ha*, ж. р. *hdo*, мн. ч. *kmo*). В то же время в своем учебнике Т.я. Ястров отмечает, что данные слова (с лексическим значением «один», «одна» и «несколько») употребляются лишь для усиления неопределенности, основным средством выражения которой является отсутствие определенного артикля (*turo* 'какая-то гора'). Согласно грамматике Ястрова, *ha* и *hdo* встречаются как в препозиции, так и в постпозиции к существительному (*ha zlām/zlām ha* '(некий) человек'), в учебнике того же автора упоминается лишь препозитивное проклитическое употребление (форма мн. ч. *kmo* — только в препозиции по всем источникам).

Согласно Ястрову, в рамках генитивной конструкции оба члена являются либо неопределенными, либо определенными: *dawmo d-ḥabušo* 'яблоня', букв. 'дерево_{неопр.} яблоч_{неопр.}', *u-ḥawro d-i-atto* 'друг_{опр.} женщины_{опр.}'. Генитивная связь, при которой вершинное имя является определенным, а зависимое — неопределенным, выражается описательно. В генитивной конструкции с пролептической местоименной энклитикой вершинное имя не принимает артикля, вследствие чего определенность или неопределенность всей именной группы зависит от наличия или отсутствия артикля при зависимом имени: *qol-e d-ḡezo* 'голос козы', *fem-e d-u-gubo* 'край этого колодца'.

В качестве предикативного отрицания употребляется частица *lo*: *lo ko-domaxno* 'Я не сплю', *aloho lo mbarax u-safrano didax* 'Пусть Бог не благословит твою поездку!'. Х. Риттер отмечает, что эта частица почти всегда получает отдельное словесное ударение. Отрицательная частица непосредственно предшествует глагольной форме, перед гласным она реализуется как *l-*: *l-aṭi* 'Он не пришел'. В диалекте Мидьяда перед согласным кластером она получает вид *li*: *li qṭəṣle* 'Он не отрезал его'. Об отрицательных формах экзистенциальных слов см. в 2.4.0.

2.3.7. У прилагательных Т.я. формы словоизменения характерны главным образом для исконно арамейских лексем. Прилагательные, заимствованные из курдского, обычно не изменяются по родам и числам (исключение: *rāšt* 'правый' — ж. р. *rāšt-e*). О. Ястров отмечает, что для заимствованных из арабского прилагательных носители могут спорадически употреблять арабские формы женского рода и множественного числа, однако такие примеры встречаются сравнительно редко и не соответствуют «классическому» узусу.

У прилагательных Т.я. развита категория сравнительной степени. Формы сравнительной степени у большинства прилагательных с исходом на *-o* восходят к древним формам *status absolutus*, т. е. образуются путем усечения древнего показателя определенности *-o* (как правило, с вокалическими изменениями в основе): *rabo* 'большой' > *rab*, *mayiro* 'горький' > *mayər*, *zowudo* 'избыточный' > *zowəd*.

Прилагательные, заимствованные из арабского, могут образовывать сравнительную степень по арабской модели *aC₁C₂aC₃*:- *šaṭər* 'умный' > *aštər* (распространена также дублетность: *xašən* или *aḫšan* 'более толстый'). Сходный тип образования характерен для исконно арамейских прилагательных с полугласным *u* в качестве третьего корневого: *karyo* 'короткий' > *akre*, *qašyo* > *aqše*. Прилагательные, заимствованные из курдского, обычно не образуют форм сравнительной степени (исключение: *spahi* 'красивый' > *ašpah*). Этот факт примечателен в свете того, что в некоторых разновидностях Т.я. продуктивное употребление при исконно арамейских адъективных основах имеет курдский суффикс прилагательных сравнительной степени *-tər*. Согласно Ястрову, в описываемом им диалекте деревни Мидин такие формы встре-

чаются лишь спорадически (*šeloʔo* 'высокий' > *šlaytár*, *mayono* 'водянистый' > *mayəntár*).

Некоторые структурные типы адъективных основ (например $C_1C_2iC_3o$) не образуют особой формы сравнительной степени. В этом случае данная категория выражается аналитической конструкцией с предлогом *zəd me-* 'более чем'.

Как и в других новоарамейских языках, модель и н ф и н и т и в а основной породы $C_1C_2oC_3o$ восходит к прототипу $*C_1C_2āC_3ā$: *dmoxo* 'спать', *syomo* 'делать'. Примечательной особенностью Т.я. является сохранение реликтовых форм инфинитива с *mV*-префиксацией у пяти частотных глаголов: *tamro* 'говорить', *matyo* 'приходить', *məklo* 'есть', *mazlo* 'идти', *mahwo* 'давать'. У некоторых глаголов в функции инфинитива используется глагольное имя модели $C_1aC_2C_3o$: *mawto* 'умирать', *qaṭlo* 'убивать'. Модели инфинитива производных пород имеют следующий вид: интенсив $C_1eC_2oC_3o$ (*heloqo* 'бросать'), каузатив $taC_1C_2oC_3o$ (*taltomo* 'собирать'). Инфинитивы нейтральны в залоговом отношении, вследствие чего приведенные выше формы используются как в активном, так и пассивном значении.

В грамматике О. Ястрова древние активные п р и ч а с т и я производных пород описываются как имена деятеля (nomina agentis), функционально тождественные модели $C_1aC_2oC_3o$ в основной породе. Формы имени деятеля производных пород имеют следующий вид: II порода $mC_1aC_2C_3ono$, ж. р. $mC_1aC_2C_3oniṭo$, мн. ч. $mC_1aC_2C_3one$ (*mhalxono*, *mhalxonitō*, *mhalxone* 'ходящий пешком'); III порода $maC_1C_2C_3onol$ / $maC_1aC_2C_3ono$, ж. р. $maC_1C_2C_3oniṭol$ / $maC_1aC_2C_3oniṭo$, мн. ч. $maC_1C_2C_3one$ / $maC_1aC_2C_3one$ (*marḥmono*, *marḥmoniṭo*, *marḥmone* 'милостливый').

Модель пассивного причастия в основной породе у переходных глаголов с *l*-спряжением в претерите имеет вид $C_1C_2iC_3o$ (ж. р. $C_1C_2əC_3to$, мн. ч. $C_1C_2iC_3e$): *fiiḥo*, *fṭəḥto*, *fiiḥe* 'открытый'. Для переходных глаголов с претеритом *qaṭəl* в грамматике Ястрова в качестве модели причастия постулируется $C_1aC_2iC_3o$, однако подлинно причастная семантика у таких форм наблюдается, по-видимому, нечасто (*yalifo* 'изученный'). Модели пассивных причастий производных пород имеют следующий вид: II порода $mC_1aC_2C_3o$, ж. р. $mC_1aC_2aC_3to$, мн. ч. $mC_1aC_2C_3e$ (*mṣalqo*, *mṣalagto*, *mṣalqe* 'повешенный'), III порода $maC_1C_2C_3ol$ / $maC_1aC_2C_3o$, ж. р. $maC_1C_2aC_3to$, мн. ч. $maC_1C_2C_3e$ / $maC_1aC_2C_3e$ (*manšfo*, *manšafto*, *manšfe* 'высохший', *maqalbo*, *maqlabto*, *maqalbe* 'повернутый').

Указательные местоимения ближнего дейксиса имеют вид *hano* 'этот', *haṭe* 'эта', *hani* 'эти' (для обоих родов), дальнего дейксиса — *hawo* (*hawok*) 'тот', *hayo* (*hayək*) 'та', *hanək* 'те'. Указательные местоимения ближнего дейксиса в неатрибутивном употреблении получают лексикализованные идиоматические значения. Форма *hano* употребляется как дейктическая презентативная частица: *hano azzin* 'Вот — они ушли!', *hano ko-qaṭto* 'Вот она стоит!'. Форма *haṭe* отсылает к вышеупомянутым ситуациям или высказываниям: *haṭe u lo mede* 'так и не иначе', *ṣal-aṭe* (с закономерным красисом) имеет значение «поэтому». Форма множественного числа *hani* указывает на истекшие временные интервалы: *uno hani šwaṣ išne k-xodamno* 'Вот уже семь лет как я служу', *hani šato di-k-samno-le darmala* 'Вот уже год как я откармливаю его'.

В атрибутивном употреблении указательные местоимения имеют обычные дейктические значения. Они клитизируются справа к существительным с определенным артиклем и при этом утрачивают (по синхронному фонетическому правилу) начальный *h*, а также вытесняют окончания единственного числа *-o* и *-a* и показатели мно-

жественного числа *-e* и *-at*: *u-malk-ano* 'этот царь', *u-malk-awo* 'тот царь', *am-malk-ani* 'эти цари', *am-malk-anək* 'те цари'.

Вопросительные местоимения имеют вид *man* 'кто?', *mən* 'что?', *ayna* 'какой?', *qau* 'почему?'.

В функции возвратного местоимения выступает существительное *ruho* 'душа' с местоименными энклитиками типа I (см. парадигму местоименных энклитик в 2.4.0.): *ruh-e* 'он сам', *ruh-an* 'мы сами'.

Особые способы образования наречий образа действия в Т.я. отсутствуют. Чаще всего в адвербиальной функции употребляются прилагательные мужского рода (*kayiso* 'хорошо', *kayifo* 'быстро'), а также сочетания существительных с предлогом *b-* (*b-u-femo* 'устно', *bə-kɫawto* 'письменно'). Среди наречий других разрядов можно упомянуть наречия времени (*hež* 'сейчас', *yawta* 'сегодня', *ramhul* 'завтра', *atmul* 'вчера', *şafro* 'утром') и места (*ha* и *harke* 'здесь', *tamo* 'там', *laltah* 'внизу', *lalʃil* 'наверху', *laljul* 'внутри', *larwal* 'снаружи'). Вопросительные наречия: *aiko* 'где', *məqqa* и *kmo* 'сколько', *ay darbo* 'как', *lmune* 'зачем'.

2.4.0. Образцы парадигм.

Личные местоимения

Самостоятельные формы

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>hiye</i>	<i>hiya</i>
	2-е л.	<i>hat</i>	
	1-е л.	<i>ono</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>hənne (hənnək)</i>	
	2-е л.	<i>hatu</i>	
	1-е л.	<i>aħna</i>	

Примечание: Согласно О. Ястрову, приведенные в парадигме формы местоимений 3-го лица единственного числа характерны для деревенских говоров. Городской диалект Мидьяда сохраняет более архаичные формы *huwelhiye*.

Энклитические формы (настоящее/прошедшее время)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>-yo/-wa</i>	
	2-е л.	<i>-hət/-wayt</i>	<i>-hat/-wayt</i>
	1-е л.	<i>-no/-wayno</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>-ne/-wayne</i>	
	2-е л.	<i>-hatu/-waytu</i>	
	1-е л.	<i>-na/-wayna</i>	

Примечание: Данные формы употребляются в функции подлежащего и как показатели предикативной связи в именных предложениях (см. 2.5.3.).

Притяжательные энклитики

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>-e/-ayde</i>	<i>-al/ayda</i>
	2-е л.	<i>-ax/-aydax</i>	<i>-ax/-aydax</i>
	1-е л.	<i>-il/-aydi</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>-ayye/-atte</i>	
	2-е л.	<i>-ayxu/-atxu</i>	
	1-е л.	<i>-an/-aydan</i>	

В Т.я. представлены два типа притяжательных энклитик (в парадигме приведены через косую черту).

Энклитики первого типа (краткие) напрямую восходят к древним общеарамейским формам. Эти архаичные показатели могут присоединяться только к относительно небольшому числу существительных с окончанием *-o*, в основном исконно арамейских первичных имен. В этой группе, насчитывающей, согласно Ястрову, примерно 90 слов, преобладают обозначения лиц (например термины родства) и частей тела. Имена с энклитиками первого типа считаются определенными и не сочетаются с определенным артиклем. При присоединении кратких энклитик вытесняется окончание *-o* и *-e*: *id-e* 'его рука'.

Энклитики второго типа (долгие), восходящие к притяжательным прилагательным на основе элемента *did-* (*dət-*), присоединяются к любым существительным, в том числе тем, которые могут использовать энклитики первого типа. Долгие энклитики сочетаются с определенным артиклем. При присоединении долгих энклитик к именам единственного числа вытесняются окончания *-o*, *-e*, *-a*, а при их присоединении к именам множественного числа вытесняются показатели множественного числа *-e* и *-at*: *i-em-ayde* 'его мать'.

Г л а г о л

По морфологическим особенностям спряжения в Т.я. противопоставляются сильные и слабые корни. О. Ястров выделяет в Т.я. следующие типы слабых глагольных корней: I?, Iy, Iy, Iy, Iw, Iw, Iw. В Т.я. представлено определенное количество четырехсогласных глагольных корней, как с редуцированным двусогласным элементом, так и с различными согласными. Согласно Ястрову, редуцированные образования обычно связаны с корнями Iy и обозначают более интенсивную степень выполнения действия: *mdašdašle* 'топаться' (ср. *dəšle* 'ступать'), *mqašqašle* 'разломать на мелкие куски' (ср. *qašle* 'ломать'). Парадигма четырехсогласных глаголов в структурном отношении тождественна парадигме интенсивной породы (*ko-mparčəḳ* 'он разламывает', *mparčəḳle* 'он разломал').

I порода

Сильный глагол

Активные основы

Инфект

(на примере корня *nšq* 'целовать')

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>nošəq</i>	<i>nəšqo</i>
	2-е л.	<i>nəšqət</i>	<i>nəšqat</i>
	1-е л.	<i>nošaqpno</i>	<i>nəšqono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>nəšqi</i>	
	2-е л.	<i>nəšquti</i>	
	1-е л.	<i>nəšqina</i>	

Эргативный претерит

1. С инкорпорированным объектным местоимением

3-го л. ед. ч. м. р.

('он поцеловал **его**', 'ты поцеловал **его**' и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>nšəqle</i>	<i>nšəqla</i>
	2-е л.	<i>nšəqləx</i>	<i>nšəqlax</i>
	1-е л.	<i>nšəqli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>nšəqqe</i>	
	2-е л.	<i>nšəqxu</i>	
	1-е л.	<i>nšəqlan</i>	

2. С инкорпорированным объектным местоимением

3-го л. ед. ч. ж. р.

('он поцеловал **ее**' и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>nšiqole</i>	<i>nšiqola</i>
	2-е л.	<i>nšiqoləx</i>	<i>nšiqolax</i>
	1-е л.	<i>nšiqoli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>nšiqalle</i>	
	2-е л.	<i>nšiqalxu</i>	
	1-е л.	<i>nšiqolan</i>	

3. С инкорпорированным объектным местоимением
3-го л. мн. ч.
(‘он поцеловал их’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>nšiqile</i>	<i>nšiqila</i>
	2-е л.	<i>nšiqiləx</i>	<i>nšiqaləx</i>
	1-е л.	<i>nšiqili</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>nšiqənne</i>	
	2-е л.	<i>nšiqənxu</i>	
	1-е л.	<i>nšiqilan</i>	

Претерит с непереходной основой *qaṭəl*
(на примере корня *ghk* ‘смеяться’)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>gaḥək</i>	<i>gaḥiko</i>
	2-е л.	<i>gaḥikət</i>	<i>gaḥikat</i>
	1-е л.	<i>gaḥəkno</i>	<i>gaḥikono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>gaḥiki</i>	
	2-е л.	<i>gaḥikutu</i>	
	1-е л.	<i>gaḥikina</i>	

Имперфект (прошедшее длительное)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>nošaqwa</i>	<i>nəšqowa</i>
	2-е л.	<i>nəšqətwə</i>	<i>nəšqatwə</i>
	1-е л.	<i>nošaqwayno</i>	<i>nəšqowayno</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>nəšqiwa</i>	
	2-е л.	<i>nəšqutwə</i>	
	1-е л.	<i>nəšqiwayna</i>	

Плюсquamперфект
(абсолютивное спряжение)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>gaḥəkwa</i>	<i>gaḥikowa</i>
	2-е л.	<i>gaḥikətwə</i>	<i>gaḥikatwə</i>
	1-е л.	<i>gaḥəkwayno</i>	<i>gaḥikowayno</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>gaḥikiwa</i>	
	2-е л.	<i>gaḥikutwə</i>	
	1-е л.	<i>gaḥikiwayna</i>	

Плюсквамперфект
(эргативное спряжение, с инкорпорированным
объектным местоимением 3-го л. ед. ч. м. р.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>nšəqwayle</i>	<i>nšəqwayla</i>
	2-е л.	<i>nšəqwaylax</i>	<i>nšəqwaylax</i>
	1-е л.	<i>nšəqwayli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>nšəqwalle</i>	
	2-е л.	<i>nšəqwalxu</i>	
	1-е л.	<i>nšəqwaylan</i>	

Детранзитивные основы
(на примере корня *fšh* 'радоваться')

Инфект

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>məfšəh</i>	<i>məfšoḥo</i>
	2-е л.	<i>məfšoḥət</i>	<i>məfšoḥat</i>
	1-е л.	<i>məfšəhno</i>	<i>məfšoḥono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>məfšohi</i>	
	2-е л.	<i>məfšoḥutu</i>	
	1-е л.	<i>məfšohina</i>	

Претерит

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>fših</i>	<i>fšiho</i>
	2-е л.	<i>fšihət</i>	<i>fšihat</i>
	1-е л.	<i>fšəhno</i>	<i>fšihono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>fših</i>	
	2-е л.	<i>fšihutu</i>	
	1-е л.	<i>fšihina</i>	

Слабые глаголы

Глаголы Пу

Инфект

(на примере корня *сут* 'делать')

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>soyət</i>	<i>sayto</i>
	2-е л.	<i>saymət</i>	<i>saymat</i>
	1-е л.	<i>soyamno</i>	<i>saymono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>saymi</i>	
	2-е л.	<i>saymutu</i>	
	1-е л.	<i>saymina</i>	

Эргативный претерит

1. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. м. р.

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>səmlē</i>	<i>səmlā</i>
	2-е л.	<i>səmləx</i>	<i>səmlax</i>
	1-е л.	<i>səmli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>səmtte</i>	
	2-е л.	<i>səmtxu</i>	
	1-е л.	<i>səmlan</i>	

2. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. м. р.

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>simole</i>	<i>simola</i>
	2-е л.	<i>simoləx</i>	<i>simolax</i>
	1-е л.	<i>simoli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>simalle</i>	
	2-е л.	<i>simalxu</i>	
	1-е л.	<i>simolan</i>	

3. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. мн. ч.

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>simile</i>	<i>simila</i>
	2-е л.	<i>similəx</i>	<i>similax</i>
	1-е л.	<i>simili</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>simənne</i>	
	2-е л.	<i>simənxu</i>	
	1-е л.	<i>similan</i>	

Претерит с непереходной основой qatəl
(на примере корня *qut* 'вставать')

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>qayət (qat)</i>	<i>qayimo</i>
	2-е л.	<i>qayimət</i>	<i>qayimat</i>
	1-е л.	<i>qayətno (qatno)</i>	<i>qayimono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>qayimi</i>	
	2-е л.	<i>qayimutu</i>	
	1-е л.	<i>qayimina</i>	

Примечание: Дублетные формы *qayət/qat* и *qayətno/qatno* описываются О. Ястровым как свободные варианты.

Глаголы Шу
(на примере корня *hzy* 'видеть')

Инфект

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>hoze</i>	<i>hazyo</i>
	2-е л.	<i>hozət</i>	<i>həzyat</i>
	1-е л.	<i>hozəno</i>	<i>həzyono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>hozən</i>	
	2-е л.	<i>hozutu</i>	
	1-е л.	<i>hozina</i>	

Эргативный претерит

1. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. м. р.
(‘он увидел **его**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>hzele</i>	<i>hzela</i>
	2-е л.	<i>hzələx</i>	<i>hzələx</i>
	1-е л.	<i>hzeli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>hzalle</i>	
	2-е л.	<i>hzalxu</i>	
	1-е л.	<i>hzelan</i>	

2. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. ж. р.
(‘он увидел **ее**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>həzyole</i>	<i>həzyola</i>
	2-е л.	<i>həzyoləx</i>	<i>həzyoləx</i>
	1-е л.	<i>həzyoli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>həzalle</i>	
	2-е л.	<i>həzəlxu</i>	
	1-е л.	<i>həzyolan</i>	

3. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. мн. ч.
(‘он увидел **их**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>hzalle</i>	<i>hzalla</i>
	2-е л.	<i>hzalləx</i>	<i>hzalləx</i>
	1-е л.	<i>hzalli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>hzanne</i>	
	2-е л.	<i>hzənxu</i>	
	1-е л.	<i>hzallan</i>	

Претерит с непереходной основой *qaṭəl*
(на примере корня *bḫw* 'плакать')

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>baxi</i>	<i>baḫyo</i>
	2-е л.	<i>baxət</i>	<i>baḫyat</i>
	1-е л.	<i>baxino</i>	<i>baḫyono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>baxən</i>	
	2-е л.	<i>baxutu</i>	
	1-е л.	<i>baxina</i>	

Глаголы Пw
(на примере корня *twr* 'ломать')

Инфект

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>towər</i>	<i>turo</i>
	2-е л.	<i>turət</i>	<i>turat</i>
	1-е л.	<i>towarno</i>	<i>turono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>turi</i>	
	2-е л.	<i>turutu</i>	
	1-е л.	<i>turina</i>	

Примечание: В диахроническом плане глаголы Пw Т.я. не связаны с общесемитским глагольным классом Пw, но восходят к глаголам со вторым корневым согласным *b* (*twərle* 'ломать' < общ.-арам. **tbr* < прасем. **tbr*). Спряжение этих глаголов в претерите и императиве не отличается от спряжения сильного глагола.

Глаголы Шw
(на примере корня *gnw* 'красть')

Инфект

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>gonu</i>	<i>gənwō</i>
	2-е л.	<i>gənwət</i>	<i>gənwat</i>
	1-е л.	<i>gonawno</i>	<i>gənwono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>gənwi</i>	
	2-е л.	<i>gənwutu</i>	
	1-е л.	<i>gənwina</i>	

Эргативный претерит

С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. м. р.
(‘он украл **его**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>gnu</i>	<i>gnula</i>
	2-е л.	<i>gnuləx</i>	<i>gnulax</i>
	1-е л.	<i>gnuli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>gnuwe</i>	
	2-е л.	<i>gnuxu</i>	
	1-е л.	<i>gnulan</i>	

Примечание: В диахроническом плане глаголы Шw Т.я. не связаны с общесемитским глагольным классом Шw, но восходят к глаголам с третьим корневым согласным *b* (*gnule* ‘красть’ < общ.-арам. **gnb*). Спряжение этих глаголов в остальных формах претерита и в императиве не отличается от спряжения сильного глагола.

II порода

Сильный глагол

(на примере глагола *mħalaqlə* ‘бросать’)

Переходный инфект

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>mħaləq</i>	<i>mħalqo</i>
	2-е л.	<i>mħalqət</i>	<i>mħalqat</i>
	1-е л.	<i>mħalaqno</i>	<i>mħalqono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>mħalqi</i>	
	2-е л.	<i>mħalqutu</i>	
	1-е л.	<i>mħalqina</i>	

Эргативный претерит

1. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. м. р.
(‘он бросил **его**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>mħalaqlə</i>	<i>mħalaqla</i>
	2-е л.	<i>mħalaqləx</i>	<i>mħalaqlax</i>
	1-е л.	<i>mħalaqli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>mħalaqqe</i>	
	2-е л.	<i>mħalaqxu</i>	
	1-е л.	<i>mħalaqlan</i>	

2. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. ж. р.
(‘он бросил **ее**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>mḥalqole</i>	<i>mḥalqola</i>
	2-е л.	<i>mḥalqoləx</i>	<i>mḥalqolax</i>
	1-е л.	<i>mḥalqoli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>mḥalqalle</i>	
	2-е л.	<i>mḥalqalxu</i>	
	1-е л.	<i>mḥalqolan</i>	

3. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. мн. ч.
(‘он бросил **их**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>mḥalqile</i>	<i>mḥalqila</i>
	2-е л.	<i>mḥalqiləx</i>	<i>mḥalqilax</i>
	1-е л.	<i>mḥalqili</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>mḥalqənnē</i>	
	2-е л.	<i>mḥalqənxu</i>	
	1-е л.	<i>mḥalqilan</i>	

Детранзитивный инфект

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>mīhaləq</i>	<i>mīhalqo</i>
	2-е л.	<i>mīhalqət</i>	<i>mīhalqat</i>
	1-е л.	<i>mīhalaqno</i>	<i>mīhalqono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>mīhalqi</i>	
	2-е л.	<i>mīhalqutu</i>	
	1-е л.	<i>mīhalqina</i>	

Парадигма детранзитивного претерита совпадает с парадигмой презенса активного залога (см. 2.3.5.).

III порода

Сильный глагол

(на примере глаголов *manšafle* ‘сушить’, *maqable* ‘поворачивать’)

Переходный инфект

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>manšaf / maqləb</i>	<i>manšfo / maqalbo</i>
	2-е л.	<i>manšfət / maqalbət</i>	<i>manšfat / maqalbat</i>
	1-е л.	<i>manšafno / maqlabno</i>	<i>manšfono / maqalbono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>manšfi / maqalbi</i>	
	2-е л.	<i>manšfutu / maqalbutu</i>	
	1-е л.	<i>manšfina / maqalbina</i>	

Примечание: В данной парадигме отражены выделенные О. Ястровым два типа спряжения по характеру основы. В первом типе спряжения перед суффиксами с вокалическим началом выступает основа с трехгласным кластером, во втором типе между первым и вторым корневыми согласными содержится гласный *-a-*. К первому типу в грамматике Ястрова отнесены девять глаголов, ко второму — все остальные. Данное явление наблюдается также в нижеследующих парадигмах эргативного претерита с объектными местоимениями 3-го лица единственного числа женского рода и 3-го лица множественного числа.

Эргативный претерит

1. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. м. р.
(‘он высушил **его**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>manšafle</i>	<i>manšafła</i>
	2-е л.	<i>manšafłax</i>	<i>manšafłax</i>
	1-е л.	<i>manšafli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>manšaffe</i>	
	2-е л.	<i>manšafxu</i>	
	1-е л.	<i>manšafłan</i>	

2. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. ед. ч. ж. р.
(‘он высушил **ее**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>manšfole / maqalbole</i>	<i>manšfola / maqalbola</i>
	2-е л.	<i>manšfolax / maqalbolax</i>	<i>manšfolax / maqalbolax</i>
	1-е л.	<i>manšfoli / maqalboli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>manšfalle / maqalballe</i>	
	2-е л.	<i>manšfalxu / maqalbalxu</i>	
	1-е л.	<i>manšfolan / maqalbolan</i>	

3. С инкорпорированным объектным местоимением 3-го л. мн. ч.
(‘он высушил **их**’ и т. п., ‘он перевернул **их**’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>manšfile / maqalbile</i>	<i>manšfila / maqalbila</i>
	2-е л.	<i>manšfilax / maqalbilax</i>	<i>manšfilax / maqalbilax</i>
	1-е л.	<i>manšfili / maqalbili</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>manšfanne / maqalbanne</i>	
	2-е л.	<i>manšfənxu / maqalbənxu</i>	
	1-е л.	<i>manšfilan / maqalbilan</i>	

Детранзитивные основы
(на примере глаголов *tanšafle* 'сушить', *tašmadle* 'крестить')

Инфект

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>mitanšəf / mitašməd</i>	<i>mitanšfo / mitašamdo</i>
	2-е л.	<i>mitanšfət / mitašamđət</i>	<i>mitanšfat / mitašamđat</i>
	1-е л.	<i>mitanšafno / mitašamadno</i>	<i>mitanšfono / mitašamđono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>mitanšfi / mitašamđi</i>	
	2-е л.	<i>mitanšfutu / mitašamđutu</i>	
	1-е л.	<i>mitanšfina / mitašamđina</i>	

Примечание: В инфекте детранзивита III породы различаются те же два типа спряжения, что и в активном залоге (с трехслогным кластером или со вставкой *-a-*). В претерите, напротив, противопоставление двух типов отсутствует, представлены только формы с кластером.

Претерит
(формы для диалекта Мидина)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>mtanšəf</i>	<i>mtanšfo</i>
	2-е л.	<i>mtanšfət</i>	<i>mtanšfat</i>
	1-е л.	<i>mtanšafno</i>	<i>mtanšfono</i>
Мн. ч.	3-е л.	<i>mtanšfi</i>	
	2-е л.	<i>mtanšfutu</i>	
	1-е л.	<i>mtanšfina</i>	

Спряжение нерегулярного глагола *azzé* 'ходить'
(формы для диалекта Мидина)

Презенс

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>azzé</i>	<i>azzá</i>
	2-е л.	<i>azzəx</i>	<i>azzáx</i>
	1-е л.	<i>azzí (azzino, zino)</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>azzehən</i>	
	2-е л.	<i>azzoxu</i>	
	1-е л.	<i>azzán (azzano, zano)</i>	

Претерит

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>azzé</i>	<i>azzá</i>
	2-е л.	<i>azzáx</i>	<i>azzáx</i>
	1-е л.	<i>azzí (azzino)</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>azzehən</i>	
	2-е л.	<i>azzoхи</i>	
	1-е л.	<i>azzán (azzano)</i>	

Формы императива

Тип основы	Ед. число	Мн. число
I порода актив	<i>nšaq</i> 'целуй'	<i>nšaqu</i> 'целуйте'
I порода детранзитив	<i>məfšah</i> 'радуйся'	<i>məfšahu</i> 'радуйтесь'
II порода актив	<i>mḥalaq</i> 'брось'	<i>mḥalequ</i> 'бросьте'
II порода детранзитив	<i>mḥalaq</i> 'бросься'	<i>mḥalequ</i> 'бросьтесь'
III порода актив	<i>manšaq</i> 'высуши'	<i>manšefu</i> 'высушите'
Глаголы Шу	<i>səṯ</i> 'делай'	<i>sumu</i> 'делайте'
Глаголы Шу	<i>ḥzay</i> 'смотри'	<i>ḥzawu</i> 'смотрите'

Примечание: Форма императива множественного числа (например *nšaqu* 'целуйте') в Т.я. внешне почти тождественна праарамейской форме императива множественного числа мужского рода **našaqī*, однако, по всей вероятности, эта форма в Т.я. не является непосредственным продолжением праарамейской и восходит к форме императива **nšaqīn* с отпадением конечного *-n*.

Глагольные формы с местоименными энклитиками

Объектные местоимения, присоединенные к инфекту

(на примере инфекта 3-го л. ед. ч. м. р.

'(пусть) он целует **его**' и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>nošaq-le</i>	<i>nošaq-la</i>
	2-е л.	<i>nošaq-ləx</i>	<i>nošaq-lax</i>
	1-е л.	<i>nošaq-li</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>nošaq-qe</i>	
	2-е л.	<i>nošaq-xu</i>	
	1-е л.	<i>nošaq-lan</i>	

Косвеннообъектные местоимения, присоединенные к форме
3-го л. ед. ч. м. р. эргативного претерита
(‘он сделал ему’ и т. п.)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>səmle-le</i>	<i>səmle-la</i>
	2-е л.	<i>səmle-ləx</i>	<i>səmle-lax</i>
	1-е л.	<i>səmle-li</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>səmle-lalle</i>	
	2-е л.	<i>səmle-lalxu</i>	
	1-е л.	<i>səmle-lan</i>	

Императив единственного числа с объектными местоимениями
(на примере глагола *zbaṭle* ‘ловить’)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>zbaṭ-e / zbaṭ-le</i>	<i>zbaṭ-a / zbaṭ-la</i>
	2-е л.	<i>zbaṭ-ləx</i>	<i>zbaṭ-lax</i>
	1-е л.	<i>zbaṭ-li</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>zbaṭ-ene / zbaṭ-ṭe</i>	
	2-е л.	—	
	1-е л.	<i>zbaṭ-lan</i>	

П р и м е ч а н и е: Через косую черту приводятся формы с аккузативной/дативной энклитикой в тех случаях, когда эти энклитики различаются в соответствующей позиции парадигмы (2.3.4.).

Императив множественного числа с объектными местоимениями

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>zbāṭ-le</i>	<i>zbāṭ-la</i>
	2-е л.	—	—
	1-е л.	<i>zbāṭ-li</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>zbāṭ-ne</i>	
	2-е л.	<i>zbāṭ-ənxi</i>	
	1-е л.	<i>zbāṭ-lan</i>	

Спряжение экзистенциального слова ‘имеется’

Настоящее время (утвердительная/отрицательная форма)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>kətyo / latyo</i>	
	2-е л.	<i>kəthət / lathət</i>	<i>kəthat / lathat</i>
	1-е л.	<i>kətno (kənno) / latno (lanno)</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>kətne (kənne) / latne (lanne)</i>	
	2-е л.	<i>kəthatu / lathatu</i>	
	1-е л.	<i>kətna (kənna) / latna (lanna)</i>	

Прошедшее время (утвердительная/отрицательная форма)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>kətwal/latwa</i>	
	2-е л.	<i>kətwayt/latwayt</i>	
	1-е л.	<i>kətwayno/latwayno</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>kətwayne/latwayne</i>	
	2-е л.	<i>kətwaytu/latwaytu</i>	
	1-е л.	<i>kətwayna/latwayna</i>	

Примечание: В бессубъектных предложениях употребляются формы *kiłkito* ('есть', 'имеется'). Соответствующие отрицательные формы имеют вид *laytllayto* (варианты, записанные через косую черту, представляют собой свободно варьирующие алломорфы).

Спряжение глагола обладания

Настоящее время (утвердительная/отрицательная форма)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>kətle/latle</i>	<i>kəla/latla</i>
	2-е л.	<i>kətləx/latləx</i>	<i>kətlax/latlax</i>
	1-е л.	<i>kətli/latli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>kətte/latte</i>	
	2-е л.	<i>kətxu/latxu</i>	
	1-е л.	<i>kətlan/latlan</i>	

Прошедшее время (утвердительная/отрицательная форма)

		Мужской род	Женский род
Ед. ч.	3-е л.	<i>kətwayle/latwayle</i>	<i>kətwayla/latwayla</i>
	2-е л.	<i>kətlwayləx/latwayləx</i>	<i>kətlwaylax/latwaylax</i>
	1-е л.	<i>kətlwayli/latwayli</i>	
Мн. ч.	3-е л.	<i>kətwalle/latwalle</i>	
	2-е л.	<i>kətwalxu/latwalxu</i>	
	1-е л.	<i>kətlwaylan/latwaylan</i>	

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. В области именного словоизменения выделяется несколько существительных с нерегулярным образованием форм множественного числа: *abro* 'сын' — мн. ч. *abne, bar̄to* 'дочь' — мн. ч. *bnoṭe, bayto* 'дом' — мн. ч. *bote, gdayto* 'курица' — мн. ч. *gyote, hoṭo* 'сестра' — мн. ч. *ḥwoṭe, šato* 'год' — мн. ч. *əšne, tərto* 'корова' — мн. ч. *tawroṭe* (наряду с *təroṭe*). Форма *niše* 'женщины, жены' выступает в качестве супплетивной формы множественного числа для исконно арамейского слова *aṭto*, а также для слов *ḥərta* и *žənke*, заимствованных из арабского и курдского соответственно.

Два прилагательных образуют нерегулярным образом форму женского рода: *ḥreno* 'другой' — ж. р. *ḥreto, maskeno* 'несчастный' — ж. р. *masketo*.

Имеется несколько глаголов с нерегулярным спряжением.

Глагол со значением «есть» (*?kl) имеет регулярное спряжение в инфекте (*oxəl, axlo, axli*). В претерите он спрягается как глаголы Пу (*xile, xilole, xilile* и далее). Формы императива имеют вид *xəl* 'ешь', *xulu* 'ешьте'. Форма претерита III породы со значением «кормить» имеет вид *mokele*.

Глагол со значением «говорить» (*?mr) в инфекте имеет формы с ассимиляцией *-mr- > -mm-: *omər, omarno* vs. *əmmət, əmmono*. В претерите он спрягается как глаголы Пу (*mərle, mirole, mirile* и далее). Формы императива имеют вид *amár* (*mar*) 'скажи', *ameru* 'скажите'.

Глагол со значением «клясться» (*?ту) в инфекте спрягается как глаголы Шу (*yote, уəтуо, yotəp* и далее). Формы претерита имеют вид *imele, imela, imalle*, формы императива имеют вид *imáy* 'клянись', *imawu* 'клянитесь'.

Глагол *yhb со значением «давать» имеет следующие основные формы спряжения: през. *k-obe* 'он дает', *k-obo* 'она дает', прет. *hule* 'он дал его', *hiwole* 'он дал ее', *hiwile* 'он дал их', имп. *haw* 'дай', *hawu* 'дайте'.

Глагол со значением «жить» (*?hwu) имеет дефектную парадигму и засвидетельствован лишь в трех формах: *hoje* 'он живет', *hojət* 'ты живешь', *hojeno* 'мы живем'.

Глагол со значением «приходить» имеет нерегулярные формы императива с необычным для Т.я. противопоставлением по роду в единственном числе: *tax* 'приходи' (м. р.), *tax* 'приходи' (ж. р.), *toxi* 'приходите'.

Полностью нерегулярно спряжение глагола со значением «ходить» (*?zl), парадигмы инфекта и претерита см. в 2.4.0. Среди отличительных черт спряжения — ударение на последнем слоге в 3-м лице единственного числа мужского и женского рода, отсутствие родового противопоставления в 1-м лице единственного числа презенса, наличие родового противопоставления в императиве единственного числа (*izax* 'иди' (м. р.), *izax* 'иди' (ж. р.), *izoxu* 'идите'). Эти особенности объясняются тем, что в диахроническом плане все формы этого глагола расширены предлогом *l-* с местоименными энклитиками (*dativus ethicus*).

У некоторых глаголов наблюдаются нерегулярные формы каузативной породы: *zayəd* 'умножаться' — *mozadle* 'умножать', *saləq* 'подниматься' — *mosaqle* 'поднимать' (наряду с регулярной формой *maslaqle*), *nafəq* 'выходить' — *mofaqle* 'выводить', *naħət* 'спускаться' — *maħatle* 'класть, ставить' (наряду с регулярной формой *manħatle*, имеющей значение 'опускать, сводить вниз').

2.5.2. Т.я. характеризуется наличием довольно большого числа производных именных лексем, образованных по традиционным для семитских языков моделям словообразования. Трудно оценить, в какой мере те или иные модели сохраняют свою продуктивность, однако значительное число лексем, образованных по некоторым из них, скорее указывает на их продуктивное употребление по крайней мере в недавнем прошлом. В этом отношении Т.я. выглядит консервативным языком не только по контрасту с современными восточными новоарамейскими языками, но и в сравнении с весьма архаичным западноарамейским языком Маалулу, где необходимость в новых словах почти всегда восполнялась за счет арабских заимствований.

Согласно О. Ястрову, модель $C_1aC_2C_3o$ сравнительно широко употребительна при образовании имени действия от глаголов в основной породе: *baṭlo* 'усталость', *baḫuo* 'плач', *gaḥko* 'смех', *halxo* 'хождение', *ḥayto* 'шитье', *qaṭlo* 'убийство', *raḥto* 'бег'. Хорошо представлены отглагольные имена, образованные по некоторым другим моделям: $C_1C_2aC_3to$ (*dwaṣto* 'укус', *ḥzayto* 'взгляд', *ktawto* 'письмо', *mḥayto* 'удар',

syamto 'дело'), $C_1\partial C_2C_3o$ (как правило, отглагольные имена для глаголов состояния: *yaxo* 'длина', *yaqro* 'тяжесть', *šafro* 'красота', *šəbħo* 'слава', *rəħqo* 'даль', *fəṭwo* 'ширина', *ṣəmṣo* 'глубина').

В Т.я. представлено не менее 40 имен модели $C_1aC_2oC_3o$, которые обозначают лиц по их профессии или обычному занятию: *baqoro* 'пастух', *daworo* 'пахарь', *ganowo* 'вор', *ħaṭoyo* 'грешник'. Имена модели $C_1oC_2uC_3o$, восходящие к среднеарамейским *nomina agentis* структуры $C_1\bar{a}C_2\bar{o}C_3-$, в Т.я. представлены в основном с адъективными значениями (*roħumo* 'милостливый', *foħumo* 'понятливый').

Существительные с префиксацией *mV-* в Т.я. представлены слабо, среди семи примеров, приведенных в грамматике О. Ястрова, преобладают арабизмы (*mayrafto* 'ложка') или слова, воспринятые из классического сирийского (*mazmuro* 'псалом').

Субстантивная деривация с помощью суффиксов распространена незначительно, единственным сравнительно широко распространенным словообразовательным суффиксом является показатель *-uṭo*, образующий имена с абстрактным значением от существительных и прилагательных: *gabor-uṭo* 'героизм', *ṭay-uṭo* 'мусульманство', *ħaly-uṭo* 'сладость', *sow-uṭo* 'старость' (согласно О. Ястрову, этот суффикс сохраняет свою продуктивность и в настоящее время).

Древний уменьшительный суффикс *-ḏn-* утратил свое значение, сохранившись в качестве реликтового расширения у некоторых субстантивных основ (*aħuno* 'брат', *šafruno* 'птица'). Продуктивным средством выражения уменьшительности является заимствованный из курдского суффикс *-ək* (ж. р. *-əke*, мн. ч. *-əkət*): *ħmor-ək* 'ослик', *kom-ək* 'черненький'.

Наиболее распространенная адъективная модель Т.я. — $C_1aC_2iC_3o$ (более 40 единиц), восходящая к высокочастотной общеарамейской модели прилагательных $C_1aC_2C_2\bar{i}C_3-$: *kayiwō* 'больной', *kafino* 'голодный', *mayiro* 'горький', *šafiro* 'красивый'. Заслуживают внимания многочисленные примеры использования этой модели при адаптации арабских прилагательных со структурой $C_1aC_2iC_3-$ или $C_1\bar{a}C_2iC_3-$: *faqiro* 'бедный', *ħaḏiro* 'готовый', *kamilo* 'полный', *naḏifo* 'чистый'.

Большинство остальных бессуффиксальных прилагательных приходится на модели $C_1C_2iC_3o$ (*brimo* 'круглый', *nqiwo* 'полюй') и $C_1aC_2uC_3o$ (*ṣamūqo* 'глубокий', *ħamūšo* 'кислый'). Последняя модель употребляется чаще, чем ее исторический коррелят в классическом сирийском ($C_1aC_2C_2uC_3\bar{a}$), и может служить, в частности, для образования прилагательных от корней, заимствованных из арабского (*ṣamudo* 'холодный', *ħašuno* 'толстый').

Односложные адъективные основы представлены только у корней с последним слабым согласным (*ħalyo* 'сладкий', *malyo* 'полный'), в диахроническом плане речь идет о прилагательных двусложной структуры (**maliyu-*). Единственный приводимый О. Ястровым пример подлинно односложной основы — *ħarbo* 'плохой, злой'. Кроме того, известно несколько частотных прилагательных с двумя корневыми согласными: *ħato* 'новый', *rabo* 'большой', *sowo* 'старый', *towo* 'хороший', *ṣiqo* 'узкий', *mīṭo* 'мертвый', *komo* 'черный'.

В Т.я. имеются два адъективных суффикса, которые образуют прилагательные от субстантивных основ. Суффикс *-ono* отмечен Ястровым в восьми примерах (*mayono* 'водянистый', *garwono* 'прокаженный', *qarṣono* 'с непокрытой головой' и др.). Суффикс относительных прилагательных *-oyo* присоединяется главным образом к основам, обозначающим этнонимы, конфессиональные группы и населенные пункты (*armnoyo* 'армянский', *ħudoyo* 'еврейский', *yaṣqubooyo* 'яковитский', *məḏyooyo* 'относящийся к

г. Мидьяд'). В то же время отмечаются некоторые примеры его употребления с нарицательными основами: *taḥtoyo* 'нижний', *navoyo* 'средний'. Кроме того, О. Ястров отмечает, что этот суффикс часто присоединяется к пассивным причастиям основной породы: *qitoyo* 'убитый' (сюда же относятся образования типа *ṭiḥoyo* 'отдохнувший', произведенные от депонентных глаголов, имеющих только пассивные основы).

Как среди существительных, так и среди прилагательных О. Ястров выделяет небольшое число лексем, образованных путем словосложения: *ḥezo-turo* 'горная коза, газель' (мн. ч. *ḥezeṭure*), *qəṣ-qarḥo* 'бригоголовый'.

2.5.3. В Т.я. присутствуют признаки расщепленной эргативности в предложениях со сказуемыми, имеющими основу претерита (см. 2.3.4., 2.3.5.). Эти проявления эргативного синтаксиса следует считать своего рода синтаксическими архаизмами, а Т.я. — языком смешанного типа с преобладанием аккузативных черт. Синхронно наиболее ярким элементом эргативной типологии в Т.я. является оформление именного субъекта эргативного претерита предлогом *l-*, который помимо этого вводит аргументы с семантикой адресата и реципиента: *qrele l-usuf paša* 'Юсуф-паша закричал' (ср. обе функции этого предлога в *l-aloho hule-le abro l-usuf paša* 'Бог дал сына Юсуф-паше').

Напротив, субъект абсолютного претерита, а также субстантивный объект при всех флективных формах глагола не имеют специального показателя: *u-bəṭər b-šabto u-peṣṣinat₁ aṭi₂prēt.* 'А неделю спустя пришло_{2прет.} сообщение₁', *u-bayto₁ maṣmər₂prēt.* 'Дом₁ был построен_{2прет.}', *maṣfalle ab-bayle* 'Он загрузил мулов', *d-matnəḥ kul kaywe* 'тот, кто исцеляет всех больных', *d-matrakno i-baqoruṭo* 'когда я оставляю пастушеское ремесло'. Согласно сообщению Шабо Талая, семитолога и носителя Т.я. (диалект деревни Мидин), оформление субъекта эргативного претерита предлогом *l* свойственно всем диалектам Т.я., кроме диалекта Мидина, где (в порядке инновации) субъект претеритальных предложений полностью утратил такое маркирование. Насколько возможно установить, употребление существительного-подлежащего с предлогом *l-* целиком определяется формальной принадлежностью сказуемого к классу «эргативных» *l*-претеритов, независимо от значения переходности: *azzele l-u-hadodo* 'Кузнец ушел'. Это обстоятельство также указывает на то, что в данном случае можно говорить лишь о следах расщепленной эргативности. Вопреки мнению некоторых исследователей, остаточные явления субъектно-объектного согласования переходных *l*-претеритов в Т.я. (см. 2.3.4., 2.4.0.) с синхронной точки зрения не являются признаком эргативного строя, но лишь указывают на происхождение претерита действительного залога из страдательной конструкции (ср. 2.3.5.).

В Т.я. есть несколько типов именных предложений и экзистенциальных конструкций. Именные предложения с подлежащим — личным местоимением имеют порядок слов Р — S, в них употребляются специальные энклитические формы местоимений (2.4.0.): *babi-yo* 'Он мой отец', *ḥemo_{м.р.}-yo* 'Жарко' (букв. 'жаркий-он'), *kalbe-ne* 'Они собаки', *pis-hat* 'Ты дурной', *man-hət* 'Кто ты?', *m-u-suqo-hət* 'Ты с улицы', *ṭaye-hatu* 'Вы мусульмане?', *faqire-hatu* 'Вы бедны', *mə-məḏyaḏ-no* 'Я из Мидьяда', *kafino-no* 'Я голоден', *šuroye-na* 'Мы христиане'. В структурном отношении они тождественны простейшему типу именных предложений в классическом сирийском, а также в большинстве древних семитских языков.

В другом типе именных предложений энклитические формы личных местоимений функционируют как показатели предикативной связи; их выбор зависит от лица и числа подлежащего, которое в свою очередь может быть выражено самостоятельными формами личных местоимений: *i-qrayto hate-yo* 'Вот что значит уметь читать

(букв. 'чтение — **вот оно**')', *ramḥul ḥuṣabo-wo* 'Завтра — **воскресенье**', *u-babo b-u-bayto ḥreno-wo* 'Отец (находится) **в другом доме**', *m-ayko-ḥat hat* 'Откуда ты?', *hatu aḥ-harami-aydan-hatu* 'Вы наши воры', *aḥna šawfo-na* 'Нас семеро (букв. 'мы семеро-**мы**')'. Насколько можно судить по найденным примерам, энклитическая связка в таких случаях обычно присоединяется к реме, следующей за темой, т. е. именные предложения этого типа обнаруживают порядок слов S — P — *copula*.

Как видно из парадигмы энклитических личных местоимений в 2.4.0., они могут присоединяться справа к морфеме *-wa* для временной локализации именных предложений в плане прошедшего времени. Морфема *-wa*, используемая также для образования имперфекта и плюсквамперфекта (см. 2.3.5., 2.4.0.), этимологически восходит к энклитической форме среднеарамейского суффиксального претерита глагола *hwu* 'быть', которая в классическом сирийском языке появляется в ряде аналитических видо-временных образований. Ср. примеры из разных диалектов Т.я., где сочетание *-wa* с энклитическим местоимением выступает в синтаксической роли подлежащего: *naḥimo-we* 'Он **был** мал', *babi-wa* 'Он **был** моим отцом', *lawāšto-wa* 'Она **была** одета', *qariwone-wayne* 'Они **были** родственниками', *qurmanž-wayne* 'Это **были** (букв. 'они-**были**') курды', *nuxroyo-wayno* 'Я **был** чужестранцем', *ayuat-wayna* 'Мы **были** господами', *muxtar-wayt* 'Ты **был** деревенским старостой'.

Этот комплекс появляется в плане прошедшего и в качестве предикативной связки: *u-qararaydam mazlo-we* букв. 'Наше решение **было** — идти', *hasan-we iṣme* 'Его имя **было** Хасан', *i-rabuto diḡe-wa* 'Господство принадлежало ему (букв. '**было** его')', *aḥna-wayna* 'Это **были** мы' (букв. 'мы **были-мы**').

Все рассмотренные здесь типы именных предложений, как правило, не употребляются ни в качестве придаточных относительных, ни с отрицанием. Вместо них в этих случаях используются предикации, включающие спрягаемое экзистенциальное слово *kit* 'имеется' и его отрицательную форму *lat*, а также сочетания этих слов со спрягаемым показателем прошедшего времени (см. 2.4.0.). Этимологически предикативное слово *kit* восходит к общеарамейскому экзистенциальному предикату *?it(ay)* с префигированной презентативной частицей *k(o)*- 'вот'. Употребление предикативного слова *kit* может быть проиллюстрировано следующими примерами (из разных диалектов Т.я.), которые представляют собой преобразования описанных выше видов именных предложений в контекстах относительного союза *d-* и отрицания. В плане настоящего: *d-kit-wo ḡatəqto* '[Я замечаю,] что она стара' (в независимом предложении 'она стара' = *ḡatəqto-wo*), *l-odaḡ-wa d-kit-wo aṭto* 'Он не знал, что **это** (была) **женщина**' (*aṭto-wo* 'это женщина'), *yatuno qəm di-maša d-kit-wo qəm d-u-šibbak* 'Я сел за стол, который **находится** перед окном', *heš d-kit-hatu hatu yatiwe_{прилаг.} harke* 'в то время, что вы сидите (букв. 'что **есть-вы** вы сидящие_{прилаг.}) здесь', *lat-ne aḥinone* 'Они не братья', *i-šariḡat-xu lat-wo šariḡa* 'Ваш приговор — не приговор!', *hawxa lat-wo l-ḥalal* 'Так [поступать] — непозволительно'. В плане прошедшего (с присоединением временной морфемы *-wa*): *i-bart-ate diḡi d-kit-wo mšaḡaḡto* 'Моя дочь, **которая была** очень уважаемой', *lat-wa gawiro* 'Он **не был** женат', *kit-wa tre dayroye* '**Жили-были** два монаха', *kət-wa u lat-wa ṭaw m-aloho d-bə-šmayo lat-ya* '**Было** (то) или **не было**, (но) лучше Бога на небесах **нет** (никого)' (стандартный зачин сказок).

Те же слова *kit/kito* и *layt/layto* могут употребляться как предикаты со значениями наличия или отсутствия. В этом случае они не спрягаются по согласованию с экспонентами наличных или отсутствующих предметов: *liḡdor d-u-femo kito as-sappote* 'Вокруг рта **находятся** губы', *ḡozina mən kit b-u-qawr-ano* 'Давайте посмотрим, что

находится в этом гробу!', *kit ha hreno* 'есть еще один', *ṭaw mē-d-izzano lā-ṣtambul layt* 'Нет ничего лучше, чем нам поехать в Стамбул', *b-lebe layto d-gowār* 'Он не собирает-ся жениться' (букв. 'в его сердце нет, чтобы он женился').

Как и во многих других семитских языках, в Т.я. нет глагола «иметь» со стандартным набором спрягаемых форм. Это значение выражается посредством *kit-* 'имеется' и *lat-* 'не имеется' и посессора, кодируемого *l-* содержащими личными местоимениями, связанными с этими экзистенциальными словами. Такие формы образуют прошедшее время с помощью морфемы *-wa* (см. все четыре варианта парадигмы в 2.4.0.): *kāt-le sayfo* 'У него есть меч', *lat-wa-le emo* 'У него не было матери', *kāt-wa-le atto lat-wa-le abne* 'У него была жена, но не было детей', *kāt-way-la nxiroyo* 'У нее был жених'.

Насколько можно судить по записям устных нарративов (составляющих основную часть корпуса текстов), порядок слов в глагольном предложении в Т.я. свободный. Так, в следующем отрывке глагольные сказуемые предшествуют подлежащим: *komār azzeyo₁ hawxa mede saḡaye₂ — raməṣ₁ u-zlamayd₂ — aṭi₁-le ruḥo₂* 'Тут прошло₁ около часа₂. Этот (букв. 'ее') человек₂ зашевелился₁, он пришел в себя (букв. 'сознание₂ пришло₁ к нему')'. В том же рассказе нередко встречается порядок SV: *komār u-zlamaydan₁ ḥalle₂ hawxa barto ṣpahi-yo* 'Тут этот человек₁ увидел₂ вот что: это красивая девушка!'. Так как записи спонтанного общения на Т.я. недоступны, невозможно установить закономерности, от которых зависит порядок слов. Согласно учебнику О. Ястрова, топиализация достигается за счет постановки топика в первую позицию: *u-čaroxaydi₁ nafilo₂ i-kurfo₃ mine₄* 'Мой сандалий₁, с него₄ упала₂ змея₃'.

В общевпросительных предложениях глагол занимает первую позицию: *lā-ḥzelax PN bə-briṭo* 'Ты не встречал имярека (в этом) мире?' В частновпросительных предложениях первую позицию занимает вопросительное слово: *mən ḥzelax* 'Что ты видела?', *man-yo* 'Кто это?'.

Синтаксические отношения в Т.я. выражаются, в частности, посредством согласования и управления. Прилагательные согласуются с определяемыми существительными в числе, а с существительными в единственном числе также и в роде. По тем же правилам финитный глагол согласуется с подлежащим (см. 2.3.2., 2.3.3.). Эргативный претерит переходных глаголов в ряде случаев включает в свою основу прямые дополнения–местоимения 3-го лица (см. 2.3.4., 2.3.5, 2.4.0.), т. е. в таких случаях имеет место субъектно-объектное согласование.

Сказуемое в форме эргативного претерита управляет подлежащим посредством предлога *l-*, в именной группе вершина управляет субстантивным зависимым посредством посессивного предлога *d-*: *i-barto d-u-malko* 'дочь царя'.

2.5.4. Подчинительные союзы Т.я. в большинстве своем образованы за счет сочетания предложных и наречных элементов с общерамейским относительным местоимением *d-* (< праарам. **dī*), сохраняющим свою роль вершины относительных предложений и в Т.я. Пробразы некоторых из этих союзов известны уже в классическом сирийском языке. В глоссарии к учебнику О. Ястрова можно обнаружить следующие подчинительные союзы с таким устройством: *ṣal d-* 'потому что', *ayna d-* 'тот, который', *bari me d-* 'до того, как', *bəṭṭar me d-* 'после того, как', *d-barra d-* 'пока; в то время как', *i-naqla d-* 'когда; в то время как', *meqəm me d-* 'прежде, чем'. Относительное местоимение *d-* используется также в значении «что» (т. е. для ввода придаточных дополнительных) и как целевой союз «чтобы».

Наиболее заметная черта устройства придаточных предложений в Т.я. состоит в том, что во многих из них глагольное сказуемое принимает форму юссива, которую в контексте придаточных уместно называть, вслед за О. Ястровым, субьюнктивом (см. 2.3.5.).

В частности, субьюнктив употребляется в следующих типах зависимых клауз.

— В предложениях, распространяющих волитивные и модальные предикаты со значениями «клясться», «обещать», «просить», «приказывать», «желать», «мочь», «позволять», «запрещать», «возможно», «необходимо» и т. п. Эти предложения могут вводиться в порядке свободного варьирования союзом *d-* либо бессоюзно; в первом случае предикат в субьюнктиве всегда непосредственно примыкает к *d-*: *ʔalbina mina d-fayšo-la šabto harke* 'Стоит ли нам **просить** у нее, **чтобы** она **оставалась** здесь на неделю?' (*ʔalbina* — юссив в главном предложении, *fayšo* — субьюнктив в придаточном), *ko-baʔno*_{през.} *adlalyo ʔ domaxno*_{субьюнкт.} *harke* 'Я хочу_{през.} этой ночью ʔ спать_{субьюнкт.} здесь'.

— В целевых придаточных при глаголах движения, с союзом *d-* либо асиндетической связью: *ono aʔino d-oben*_{субьюнкт.} *-ax xabro* 'Я пришел, **чтобы** передать_{субьюнкт.} тебе_{ж.р.} сообщение', *yatu ʔ mʔale*_{субьюнкт.} 'Он сел ʔ помолиться_{субьюнкт.}'.

— В придаточных относительных с нереферентным значением, которые всегда вводятся относительным местоимением *d-*: *hʔay šəʔwono d-howe*_{субьюнкт.} *hawxa xašuno* 'Найди жирного муравья' (букв. '...который был бы_{субьюнкт.} вот таким жирным'), *ayna də-mʔayel*_{субьюнкт.} *amer-le* букв. 'Всякий, кто спросит_{субьюнкт.} — говори ему (это)!', т. е. 'Рассказывай об этом всякому, кто спросит'.

— В придаточных, распространяющих предикат «несуществования» *layt* (см. 2.5.3.): *layt isan ʔ qoder*_{субьюнкт.} *soyem*_{субьюнкт.} *mede* 'Нет никого (букв. 'человека'), кто мог бы_{субьюнкт.} сделать_{субьюнкт.} что-либо'. Такие предложения представляют собой частный случай нереферентных придаточных относительных, однако они присоединяются асиндетически.

— В бессоюзных предложениях с семантикой условия: *ha mohe*_{субьюнкт.} *aʔle ko-doyeq*_{през.} *qole* букв. '(Если) кто-нибудь **бьет**_{субьюнкт.} по нему — он издает_{през.} звук'.

О. Ястров отмечает, что субьюнктив обычно употребляется во всех придаточных предложениях, вводимых союзными словами, сложными с относительным местоимением *d-*.

Доступный материал позволяет прийти к выводу, что временную точку отсчета для субьюнктива составляют главные предложения с семантикой настоящего времени (т. е. одновременности моменту речи), при этом временное значение самого субьюнктива — одновременность с точкой отсчета или следование за ней (т. е. «настоящее-будущее»). Таким образом, основа инфекта (см. 2.3.5.) и в придаточных предложениях сохраняет свое исторически исходное значение «непрошедшего» времени и имперфектива.

В придаточных относительных и дополнительных, зависящих от предложений с временным значением прошедшего, для выражения одновременности с ситуацией главного предложения употребляются глаголы в презенсе, для выражения предшествования — глаголы в претерите (ср. также 2.3.5. об употреблении плюсквамперфекта), для выражения следования — глаголы в футуруме: *mʔbarre l-oqaye d-PN lo-ko-mqadəm*_{през.} *l-aff-ela* 'Они ввели его в комнату, в которую имярек **не имел обыкновения входить**_{през.}', *mʔayele*_{прет.} *a-greʔyde mʔs-səmme*_{прет.} *u-yawtawo* 'Он спросил_{прет.} своих слуг, что они сделали_{прет.} за тот день', *lo-malle ayna₁ mənne₂-yo₃ d₄-lə-g-woret*_{фут.} 'Он не сказал, кто₃ из них₂ тот₁, который₄ **не получит наследства**_{фут.}'.

Система относительного времени Т.я. имеет узнаваемый прообраз уже в классическом сирийском языке.

2.6.0. В отсутствие полного синхронного лексикографического описания следующий ниже предварительный анализ ограничивается материалом вокабулярия к учебнику О. Ястрова, в котором содержится около 770 лексем, поддающихся убедительной этимологической интерпретации (около 30 лексем следует признать этимологически неясными).

Количество исконно арамейских лексем в вокабулярии Ястрова можно оценить примерно в 430 единиц, что составляет несколько более половины словаря. Как и в других новоарамейских языках, исконно арамейские термины сохранились в первую очередь в самых базовых пластах лексики. Сюда относятся названия частей тела (*ʕayno* 'глаз', *admo* 'кровь', *adno* 'ухо', *baʕro* 'мясо', *druʕo* 'локоть', *femo* 'рот', *ħaʕo* 'спина', *ido* 'рука', *karso* 'живот', *katro* 'плечо', *lebo* 'сердце', *lišono* 'язык', *qdolo* 'шея', *raylo* 'нога', *rišo* 'голова', *ʕawfo* 'палец'), явлений природы и элементов ландшафта (*arʕo* 'земля', *ʕafro* 'пыль', *maʕro* 'дождь', *talgo* 'снег', *maye* 'вода', *nahro* 'река', *šamšo* 'солнце', *šmayo* 'небо', *ʕuro* 'гора'), названия диких и домашних животных (*ʕezo* 'коза', *ʕwono* 'овца', *tawro* 'бык', *tarto* 'корова', *arwono* 'теленоч', *ħmoro* 'осел', *kalbo* 'собака', *sasyo* 'лошадь', *dadwono* 'муха', *šəwono* 'муравей', *ʕeqarwo* 'скорпион', *kūrfo* 'змея', *qaqwono* 'куропатка') и растений (*ʕanwe* 'виноград', *baluʕo* 'дуб', *baʕlo* 'лук', *ħeʕe* 'пшеница'), общие обозначения людей и термины родства (*ʕamo* 'люди', *noše* id., *abro* 'сын', *aħuno* 'брат', *ħoto* 'сестра', *emo* 'мать', *ħemyono* 'тесть'), названия продуктов питания (*bəħto* 'яйцо', *gweo* 'сыр', *ħalwo* 'молоко', *laħmo* 'хлеб', *malħo* 'соль', *məʕho* 'масло'), обозначения временных промежутков (*imomo*, *yawmo* 'день', *lalyo* 'ночь', *ʕafro* 'утро', *qayto* 'лето', *saʕwo* 'зима', *šabto* 'неделя', *yarħo* 'месяц', *ʕato* 'год'), названия орудий труда и предметов быта (*ʕarbololo* 'сито', *ʕisaqto* 'кольцо', *gūrno* 'ступа', *ħawlo* 'веревка', *kiso* 'мешок', *niro* 'ярмо', *rəħyo* 'мельница', *tanuro* 'печь'), строительная терминология (*bayto* 'дом', *gūšro* 'балка', *tarfo* 'ворота', *sawyo* 'забор'), некоторые другие базовые понятия (*ʕamro* 'шерсть', *aʕro* 'место', *əšmo* 'имя', *qaʕmo* 'пепел', *šanto* 'сон', *qayso* 'древесина').

В более культурных слоях лексики существительные арамейского происхождения отмечаются лишь изредка (*bolo* 'разум', *gaboro* 'герой', *maʕlo* 'поговорка', *ktowo* 'книга', *šrolo* 'правда'). Исключение составляет довольно значительная группа исконных терминов, связанных с христианской религией: *alo*, *aloho* 'бог', *ʕedo* 'праздник', *ʕito* 'церковь', *ħiʕto* 'грех', *mšihō* 'Христос', *mšihoyo* 'христианин', *nbiyo* 'пророк', *ħaʕo* 'Страстная неделя', *qašo* 'священник', *šluʕo* 'молитва' (многие из этих терминов очевидно являются заимствованными из классического сирийского культивизмами, т. е. в строгом смысле не принадлежат к исконной лексике Т.я., хотя и являются арамейскими по происхождению).

Арамейское происхождение имеют важнейшие качественные прилагательные (*ʕatiqo* 'глубокий', *ʕatiqo* 'старый', *ʕeloyo* 'высокий', *ʕiqo* 'узкий', *ħlimo* 'толстый', *karyo* 'короткий', *nūxroyo* 'чужой', *qariwo* 'близкий', *rabo* 'большой', *raħuqo* 'далекий', *yarixō* 'долгий', *yaroqo* 'зеленый') и ряд основных глаголов, обозначающих движение, физиологические действия, восприятие и др. (*ʕobər* 'входить', *boxe* 'плакать', *ħoʕu* 'думать', *koyu* 'болеть', *lowəʕ* 'одеваться', *mħaləx* 'шагать', *moβəl* 'уносить', *moħe* 'бить', *moʕe* 'приходить', *moʕəʕ-* 'умирать', *noʕəl* 'падать', *obe* 'давать', *obəʕ* 'хотеть', *oqəʕ* 'знать', *omər* 'говорить', *oʕe* 'приходить', *qowər* 'хоронить', *rohəʕ* 'бежать', *šoməʕ* 'слушать', *yotu* 'сидеть').

Арамейскими по происхождению являются количественные числительные (*hdo* 'один', *hamšo* 'пять' и др.), большинство местоимений (*hat* 'ты', *hiye* 'он', *hano* 'этот'), некоторые наречия и другие неизменяемые слова (*ʕam* 'вместе с', *gab* 'у, при', *elo* 'но', *kmo* 'сколько?', *lalʕal* 'наверху', *tamo* 'там').

В целом можно констатировать, что в Т.я. практически без исключения представлены именные и глагольные лексемы, которые специфичны для арамейских языков как генеалогической общности: *əzzé* 'ходить', *gawo* 'живот, нутро', *gawro* 'человек', *doməx* 'спать', *fofo* 'лицо', *heworo* 'белый', *komo* 'черный', *hreno* 'другой', *kefo* 'камень', *layto* 'нет, не имеется', *moro* 'господин', *nofəq* 'выходить', *nohət* 'спускаться', *rohəm* 'любить', *soləq* 'подниматься', *šafiro* 'красивый', *šoqəl* 'брат', *šuro* 'стена', *zšuro* 'маленький'.

Заемствованная лексика, содержащихся в вокабулярии Ястрова, представлена главным образом двумя большими группами: арабизмы и курдизмы. Согласно Ястрову, лексические заимствования из арабского заметнее в городском диалекте Мидьяда и, наоборот, курдские заимствования более характерны для деревенских диалектов. Среди субстантивных лексем важнейшим указанием на заимствованное происхождение является отсутствие окончания *-o*, которое присуще практически всем исконно арамейским существительным. Этот критерий, широко используемый в работах Ястрова, не является абсолютным, поскольку не вызывает сомнения существования довольно большого числа глубоко адаптированных арабизмов с исходом на *-o*: *amro* 'приказ', *ʕammo* 'дядя со стороны отца', *ʕaybo* 'гениталии', *dayno* 'долг', *ʕalto* 'ошибка', *ʕəzbo* 'чудо', *šəylo* 'работа'. Существительные курдского происхождения с исходом на *-o* действительно очень редки, однако и в этом случае определенное число примеров может быть выявлено: *qazo* 'гусь' < курд. *qaz*, *garto* 'могила' < курд. *gor*, *čiko* 'птица' < курд. *çûk*.

А р а б с к и е заимствования в вокабулярии Ястрова составляют около 200 лексических единиц (около четверти словаря). Столь значительное количество арабизмов в Т.я. объясняется хронологической глубиной и интенсивностью контактов между носителями Т.я. и арабоязычным населением, которое, по-видимому, преобладало в Юго-Восточной Анатолии начиная с арабского завоевания в VII в. и вплоть до проникновения в этот регион тюрок-сельджуков в начале XI в. (в настоящее время число носителей анатолийского арабского оценивается лишь в 140 тыс. чел.). Особую проблему представляет собой лексическая интерференция с арабским языком у носителей Т.я., проживающих в странах арабоязычной диаспоры (Сирия, Ливан, Палестина, Иордания) — как неоднократно отмечалось, удельный вес арабизмов в этом случае может резко возрастать, особенно среди носителей молодого поколения.

По всей видимости, арабские заимствования в Т.я. неоднородны в хронологическом и лингвогеографическом отношениях, однако их систематическая стратификация по этим параметрам до сих пор не проводилась (можно предполагать, например, что наличие окончания *-o* у заимствованных из арабского существительных мужского рода указывает на большую древность заимствования по сравнению с теми существительными, у которых это окончание отсутствует). Некоторые арабизмы могли проникнуть в Т.я. через курдское посредство (см. некоторые примеры ниже в данном разделе), однако систематически этот вопрос не изучался. Поскольку диалектная атрибуция арабских этимонов представляет собой особую, иногда трудновыполнимую задачу, в настоящем описании они приводятся в том виде, в котором они отражены в классическом арабском.

Среди существительных арабизмы выявляются в различных семантических группах лексики, в том числе базовой: названия животных и растений (*baylo* 'мул' < араб. *bayl-*, *tarš* 'крупный рогатый скот' < араб. *tarš-*, *dawmo* 'дерево' < араб. *dawm-*, *zaytuno* 'олива' < араб. *zaytūn-*), общие обозначения людей и термины родства (*šaḥṣ* 'человек' < араб. *šaḥṣ-*, *zlām* id. < араб. *zalamat-*, мн. ч. *zilām-*, *ḥərma* 'женщина, жена' < араб. *ḥurmat-*, *ṣammo* 'дядя по отцу' < араб. *ṣamm-*, *žəddo* 'дед' < араб. *žadd-*), обозначения продуктов питания и кушаний (*zəbdo* 'масло' < араб. *zubd-*, *dibəs* 'виноградный сироп' < араб. *dibs-*, *labaniye* 'вид молочного супа' < араб. *labaniyyat-*, *ḥašwo* 'начинка' < араб. *ḥašwat-*), названия временных промежутков (*ṣaṣriye* 'вечер' < араб. *ṣaṣriyyat-*, *saḥa* 'час' < араб. *sāḥat-*, *rabəʔ* 'весна' < араб. *rabīʔ-*), предметы быта (*ṣeniye* 'тарелка' < араб. *ṣiniyyat-*, *ṣəfra* 'стол' < араб. *ṣifrat-*, *šaboko* 'окно' < араб. *šubbāk-*).

Арабское происхождение характерно для обозначений разного рода абстрактных понятий: *ṣəmro* 'жизнь' < араб. *ṣumr-*, *xabro* 'слово' < араб. *ḥabar-*, *šūylo* 'работа' < араб. *šuyl-*, *šarī* 'условие' < араб. *šarī-*, *taṣbe* 'усталость' < араб. *taṣbat-*, *šəkəl* 'вид, образ' < араб. *šakl-*, *amro* 'приказ' < араб. *ʔamr-*, *ḍarbo* 'удар' < араб. *ḍarb-*, *ḡalba* 'большинство' < араб. *ḡalabat-*, *ḥəkkoye* 'история' < араб. *ḥikāyat-*, *ḥəss* 'звук, шум' < араб. *ḥiss-*, *maddē* 'протяженность, временной промежуток' < араб. *muddat-*, *ḥāl* 'состояние' < араб. *ḥāl-*, *xēr* 'благо' < араб. *ḥayr-*, *rəzala* 'низость' < араб. *raḍālat-*, *sahmo* 'доля, участь' < араб. *sahm-*. Арабизмы нередки среди лексем, связанных с хозяйством, правом и администрацией, мусульманской религией: *māl* 'богатство' < араб. *māl-*, *ʔade* 'обычай' < араб. *ʔadat-*, *žəza* 'штраф' < араб. *žəzāʔ-*, *ḥakəm* 'судья' < араб. *ḥākim-*, *māḥkama* 'суд' < араб. *māḥkamat-*, *ḥaqq* 'закон' < араб. *ḥaqq-*, *dino* 'религия' < араб. *dīn-*, *šəhada* 'исповедание мусульманской веры' < араб. *šahādat-*.

Из арабского заимствованы многие прилагательные: *faqiro* 'бедный' < араб. *faqīr-*, *kamilo* 'полный, целый' < араб. *kāmil-*, *xalyo* 'пустой' < араб. *ḥālīʔ*, *šaḥbo* 'трудный' < араб. *šaḥb-*, *lazəm* 'нужный' < араб. *lāzim-*, *maḥlūm* 'известный' < араб. *maḥlūm-*, *mdawro* 'круглый' < араб. *mudawwar-*, *ḡarbi* 'западный' < араб. *ḡarbiyy-*. Нередко заимствованные прилагательные восприняты не непосредственно из арабских адъективных лексем, но образованы от арабских консонантных корней по характерным для Т.я. моделям адъективного словообразования: *žamudo* 'холодный' (ср. араб. *žmd* 'замерзать'), *xašuno* 'грубый' (ср. араб. *ḥšn* 'быть грубым, жестким'), *noḡižo* 'малочисленный' (ср. араб. *nḡṣ* 'уменьшать'), *našifo* 'сухой' (ср. араб. *nšf* 'высыхать').

Арабский язык является важным источником глагольных лексем Т.я. (как отмечалось выше, исконно арамейские глаголы, как правило, сохраняются лишь для обозначения наиболее базовых действий): *foyaš* 'жить' < араб. *ʔāša*, *fohəm* 'понимать' < араб. *fahima*, *hožət* 'нападать' < араб. *ḥažama*, *maḥke* 'рассказывать' < араб. *ḥakā*, *takəl* 'мерить' < араб. *kāla*, *toḡəb* 'просить' < араб. *ṭalaba*, *qodər* 'мочь' < араб. *qadara*, *loyəm* 'собираться' < араб. *lamma*, *mžarəb* 'пытаться, пробовать' < араб. *žarraba*, *teftakər* 'думать' < араб. *tafakkara*, *məstaḥməl* 'использовать' < араб. *ʔistaḥmala*. Х. Риттер отмечал, что глагольные корни, заимствованные из арабского языка, более многочисленны, чем исконно арамейские.

Арабское происхождение имеет целый ряд наречий и других неизменяемых слов: *ḡalabe* 'много, очень' < араб. *ḡalabat-*, *amma* 'но' < араб. *ʔammā*, *ḡayr* 'кроме' < араб. *ḡayru*, *ḥatta* 'до' < араб. *ḥattā*, *taḥte* 'под' < араб. *taḥta*.

Общее число к у р д и з м о в в вокабулярии Ястрова оценивается примерно в 120 лексем (около 15% словаря). С учетом доминирующего положения курдского языка в Юго-Восточной Анатолии по крайней мере в последние несколько столетий

такой объем курдских заимствований кажется довольно незначительным. В рамках нижеследующего анализа курдские этимоны приводятся в записи, принятой в «Курдско-русском словаре» К.К. Курдоева.

Среди заимствованных из курдского языка существительных наиболее заметны термины, относящиеся к природе, сельскому хозяйству и приготовлению пищи: *payêz* 'осень' < курд. *payîz*, *gâli* 'ущелье, овраг' < курд. *gelî*, *goçe* 'пруд' < курд. *gol*, *barx* 'ягненок' < курд. *berx*, *kahrâk* 'козленок' < курд. *karik*, *çuko* 'птица' < курд. *çûk*, *kürke* 'курица' < курд. *kurk*, *meke* 'самка' < курд. *mak*, *spîndâr* 'тополь' < курд. *sapîndar*, *gera* 'молотьба' < курд. *gêre*, *lêbbe* 'зерно' < курд. *lib*, *gove* 'овчарня' < курд. *gov*, *maçal* 'загон для скота' < курд. *meçel*, *danuke* 'вареная пшеница' < курд. *danû*, *hurâk* 'мелкая крупа' < курд. *hûrik*, *žaži* 'творог' < курд. *jajî*. Довольно многочисленны курдизмы среди обозначений предметов быта: *bandke* 'ремень' < курд. *bend*, *baroše* 'горшок' < курд. *beroş*, *greke* 'веревка, узел' < курд. *girê*, *girêk*, *rakkah* 'клетка' < курд. *rike*, *lapkat* 'перчатки' < курд. *lepik*, *nvine* 'кровать' < курд. *nivîn*, *pâçke* 'тряпка' < курд. *paçik*, *ture* 'мешок, сума' < курд. *tûr*, *şâlke* 'штаны' < курд. *şal*, *şallêke* 'корзина' < курд. *selik*. Среди курдских заимствований, относящихся к другим семантическим группам, можно упомянуть такие слова как *behan* 'дыхание' < курд. *bîhn*, *brine* 'рана' < курд. *birîn*, *duve* 'хвост' < курд. *dûv*, *kûrrâk* 'мальчик' < курд. *kurrîk*, *kaçke* 'девочка' < курд. *keç*, *lappe* 'ладонь, пригоршня' < курд. *lep*, *laşe* 'труп' < курд. *laş*, *kêr* 'нужда' < курд. *kêr*, *mârhöv* 'свойственник(и)' < курд. *merov*, *pire* 'жена, женщина' < курд. *pîrê*, *rang* 'цвет' < курд. *reng*, *sûç* 'вина' < курд. *sûc*, *kalla* 'деньги' < курд. *kala*, *kîn* 'ненависть' < курд. *kîn*, *hawar* 'призыв на помощь' < курд. *hewar*.

Из курдского заимствованы многие прилагательные: *grovâr* 'круглый' < курд. *gîrover*, *derî*, *dêrtâr* 'следующий' < курд. *derî*, *dertir*, *şîn* 'синий' < курд. *şîn*, *tâne* 'единственный' < курд. *tenê*, *tannâk* 'тонкий' < курд. *tenik*, *dârang* 'поздний' < курд. *dereng*, *nazâk* 'нежный' < курд. *nazîk*, *žîr* 'понятливый, смысленый' < курд. *jîr*, *pîs* 'дурной' < курд. *pîs*, *perişân* 'жалкий' < курд. *perîşan*, *spahi* 'красивый' < курд. *sipayî*.

Обращает на себя внимание большое число курдских заимствований среди лексем, относящихся к неизменяемым частям речи: *dîsa* 'снова' < курд. *dîsa*, *vega* 'тогда' < курд. *vêga*, *peva* 'кроме' < курд. *pêva*, *b-xwa* 'сам по себе, самостоятельно' < курд. *xwe*, *žnu* 'снова' < курд. *jînû*, *tavda* 'вместе' < курд. *tevda*, *qay* 'почему?' < курд. *qey*, *paške* 'немного' < курд. *peşik*, *bêhtâr* 'больше' < курд. *bêtir*, *bepežan* 'без следа' < курд. *bê pêjin*, *bêhá* 'примерно' < курд. *biha*, *çike* 'немного' < курд. *çîçik*.

Ожидаемым образом, в Т.я. практически не отмечаются заимствованные из курдского глаголы, что объясняется трудностью их интеграции в характерную для семитских языков систему глагольного словообразования и словоизменения. Среди немногочисленных исключений можно упомянуть глаголы *çoyêr* 'разорвать' и *trapçêq* 'разломать', демонстрирующие сходство с курд. *çîrîn* 'рваться' и *parçe* 'кусочек, часть' (присутствие в этих словах фонемы *ç* не предполагает арамейской или арабской этимологии). Глагол *maçal* 'загонять скот' произведен от существительного *maçal* 'загон для скота', заимствованного из курд. *meçel*, глагол *mapêslê* 'загрязнить' восходит к прилагательному *pîs* 'грязный', заимствованному из курдского *pîs*.

Не вызывает сомнения, что через курдское посредство в Т.я. проникли многие арабизмы, однако с уверенностью об этом можно судить лишь в тех сравнительно немногих случаях, когда арабское слово в курдском претерпело заметные фонетические изменения: *waxt* 'время' < курд. *wext* (ср. араб. *waqt-*), *lawwâl* 'в начале' < курд. *e'wil* (ср. араб. *ʔáwwal-*), *haps* 'тюрьма' < курд. *heps* (ср. араб. *ħabs-*). Курдское по-

средство вероятно также для некоторых тюркизмов: *tōz* ‘пыль’ < курд. *toz* < турец. *toz*, *sōz* ‘слово’ < курд. *soz* < турец. *söz*.

Ввиду сильной изоляции Юго-Восточной Анатолии от остальной части Турции контакты между Т.я. и турецким языком вплоть до недавнего времени были очень незначительными. Таким образом, проникновение в лексику Т.я. тюркизмов (всего около 20 лексических единиц в вокабулярии О. Ястрова) в основном ограничивалось административной и военной терминологией: *aḡa* ‘ага (титул)’ < турец. *ağa*, *baladiye* ‘муниципалитет’ < турец. *belediye*, *əzən* ‘разрешение’ < турец. *izin*, *čawīš* ‘унтер-офицер’ < турец. *çavuş*, *nobačči* ‘часовой’ < турец. *nöbetçi*, *čəfta* ‘винтовка’ < турец. *çifte*, *žandərma* ‘жандарм’ < турец. *jandarma*, *poliš* ‘полиция’ < турец. *polis*, *qaraqōl* ‘пост полиции’ < турец. *karakol*. Проникновение других типов турецких заимствований в Т.я. началось, по-видимому, сравнительно недавно, многие из них являются неизменяемыми словами: *anžaq* ‘только’ < турец. *ancak*, *madām ki* ‘поскольку, раз уж’ < турец. *mademki*, *wayaxūt* ‘или’ < турец. *veyahut*, *qārši d-* ‘напротив’ < турец. *karşı*. Среди других тюркизмов можно упомянуть такие слова, как *dōlmīš* ‘маршрутное такси’ < турец. *dolmuş*. Представляет интерес приводимый О. Ястровым пример адаптации турецкого глагола *dayanmak* ‘выдерживать, переносить’ с помощью основы интенсивной породы (*mdayanle*). Согласно О. Ястрову, приток тюркизмов заметно усилился после Второй мировой войны (как среди носителей, мигрировавших в Стамбул, так и в самом Тур-Абдине), однако содержащиеся в его вокабулярии материалы не позволяют подтвердить это наблюдение.

2.7.0. Диалекты Т.я. принято делить на две группы: диалект города Мидьяда и деревенские диалекты. Выделяются говоры деревень Мидин, Кфарзе, Ивардо и Анхил, а также диалект группы селений Раите. Между носителями всех диалектов Т.я. существует взаимное понимание. Диалект Мидьяда по ряду черт консервативнее деревенских диалектов.

О. Ястров указывает на различия в вокализме между диалектом Мидьяда, с одной стороны, и деревенскими диалектами — с другой стороны. Наиболее заметным из таких различий представляется сохранение в Мидьяде /i/ в закрытом слоге, в то время как в деревенских диалектах (в частности в говоре Мидина, взятом за основу в настоящем описании) /i/ в таком окружении обычно переходит в /ə/. Ср., например, в Мидьяде *fa-qi-ro* ‘бедный’, ж. р. *fa-qir-to* vs. *fa-qi-ro* ‘бедный’, ж. р. *fa-qər-to* по крайней мере в части деревенских говоров. Как отмечает А. Тезель, для диалекта Мидьяда характерна редукция предударных гласных в первом открытом слоге, которые в деревенских диалектах сохраняются как полудолгие: *bəquno* — *boquno* ‘луковица’, *b(ə)zarfo* — *buzarfo* ‘семья’, *həšabo* — *hušabo* ‘воскресенье’.

Характерной чертой диалекта Мидьяда А. Тезель считает sporadическую эмфатизацию *t > ʔ*: *taʔlo* ‘лисица’, *ʔamo* ‘там’, *ʔarfo* ‘дверь’.

В области именной морфологии А. Тезель отмечает различие в форме суффикса множественного числа существительных (*-ofo* в Мидьяде vs. *-ofe* в деревенских диалектах). Об утрате родового противопоставления у числительных в диалекте Мидина см. 2.3.3.

О морфосинтаксических инновациях в диалекте Мидина по сравнению с диалектом Мидьяда и рядом деревенских диалектов см. 2.3.5. (форма непереходного претерита III породы) и 2.5.3. (субстантивный субъект эргативного претерита не имеет показателя *l-*).

Насколько можно судить по материалам специального исследования А. Тезеля, лексические различия между диалектом Мидьяда и деревенскими диалектами прояв-

ляются главным образом в том, что арабским заимствованиям в городском диалекте соответствуют либо исконно арамейские слова, либо курдизмы в сельских диалектах: *kayiso* (< араб. *kayis*) vs. *ṭowo* 'хороший', *mḏayaʿle* (< араб. *ḏayyaʿa*) vs. *mšakarle* 'потерять', *šfarle* 'свистеть' (< араб. *šafara*) vs. *mašraqle*. Среди других отмеченных А. Тезелем лексических различий можно упомянуть следующие: Мидьяд *ḥwarto* 'подруга' (в деревенских диалектах *ḥawro* 'друг' и 'подруга'), Мидьяд *tarfo* 'ноготь' (в деревенских диалектах *tafro*), Мидьяд *farḥo* 'вид огурца' (в деревенских диалектах *bošino*), Мидьяд *sawko* 'волосы' vs. *šafro* 'козья шерсть' (в деревенских диалектах *šafro* 'волосы' vs. *marfeze* 'козья шерсть'), Мидьяд *dqušto* 'ковш' (в деревенских диалектах *kadune*), Мидьяд *suoyo* 'стена' (в деревенских диалектах *šuro*), Мидьяд *dabəl* 'внучать' (в деревенских диалектах *badəl*), Мидьяд *gurdaša* 'лягушка' (в деревенских диалектах *baq(qe)*), Мидьяд *qanuo* 'лёгкое' (в деревенских диалектах *kazabe*).

ЛИТЕРАТУРА

Работы по грамматике

Jastrow O. Laut- und Formenlehre des neuaramäischen Dialekts von Mīdin im Ṭūr 'Abdīn. Wiesbaden, 1993 [1967].

Jastrow O. Passive formation in Ṭuroyo and Mlaḥsō // IOS, 1996, vol. 16.

Nöldeke Th. Prym's und Socin's Der Dialekt des Ṭūr'Abdīn // ZDMG, 1881, Bd. 35.

Pariset M. Contribution à l'étude du dialecte néo-syriaque du Tour-Abdīn // Actes du onzième congrès international des orientalistes. Paris, 1897.

Ritter H. Ṭürōyo. Die Volkssprache der syrischen Christen des Ṭūr ḡAbdīn. Stuttgart, 1990.

Siegel A. Laut- und Formenlehre des neuaramäischen Dialekts des Ṭūr 'Abdīn. Hannover, 1923.

Takashina Y. Suffixed Possessive Pronouns in Ṭuroyo Dialect (Nearamaic) // BSNEJS, 1980, vol. 23.

Словари и исследования лексики

Ishaq Y. Svensk-turabdingskt Lexicon, Leksikon Swedoyo-Suryoyo. Stockholm, 1988.

Ritter H. Ṭürōyo. Die Volkssprache der syrischen Christen des Ṭūr ḡAbdīn. Wörterbuch. Beirut, 1979.

Tezel A. Comparative Etymological Studies in the Western Neo-Syriac (Turoyo) Lexicon: with Special Reference to Homonyms, Related Words and Borrowings with Cultural Signification. Uppsala, 2003.

Weninger St. Körperteile und Flüssigkeiten im Ṭuroyo: Ein Beitrag zum semantischen Wandel // W. Arnold, H. Bobzin (Hrsg.). Festschrift für Otto Jastrow zum 60. Geburtstag. Wiesbaden, 2002.

Издания текстов

Prym E., Socin A. Der neuaramäische Dialekt des Ṭūr 'Abdīn. Göttingen, 1881, Bd. 1–2.

Ritter H. Ṭürōyo. Die Volkssprache der syrischen Christen des Ṭūr ḡAbdīn. A: Texte. Beirut, 1967, Bd. 1; 1969, Bd. 2; 1971, Bd. 3.

Учебные пособия

Jastrow O. Lehrbuch der Ṭuroyo-Sprache. Wiesbaden, 1992.

Ishaq Y. Toxu qorena. Stockholm, 1983.

Ishaq Y. Toxu qorena A (ḵṭowo d-ḡwodo A). Stockholm, 1985.

Ishaq Y. Toxu qorena B (ḵṭowo d-ḡwodo B). Stockholm, 1987.

История, этнография, социоллингвистика туройо

Anschutz H. Die syrischen Christen vom Tur 'Abdin: Eine altchristliche Bevölkerungsgruppe zwischen Beharrung, Stagnation und Auflösung. Würzburg, 1984.

Jastrow O. The Turoyo Language Today // JAAS, 1986, vol. 1.

Heinrichs W. Written Turoyo // W. Heinrichs (ed.). Studies in Neo-Aramaic. Atlanta, 1990.

Ishaq Y. Turoyo — from Spoken to Written Language // W. Heinrichs (ed.). Studies in Neo-Aramaic. Atlanta, 1990.

Palmer A. Monk and Mason on the Tigris Frontier. The Early History of Tur 'Abdin. Cambridge, 1990.

Talay Sh. Die aramäische Sprache (Turoyo) und ihre Zukunftsaussichten in der Diaspora // JEASTCS, 2002, vol. 1.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

Семитские языки
Аккадский язык
Северозападносемитские
языки

Москва
2009

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 07-04-16032)

Издание «Языки мира» основано В.Н. Ярцевой

Редакционная коллегия:

А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова

Группа «Языки мира»:

*А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова, Е.Б. Маркус,
Н.В. Рогова, О.И. Романова*

Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова — М.: Academia, 2009. — 832 с.

Книга подготовлена в рамках многотомного энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. Это первый из двух выпусков, посвященных описанию семитских языков. В книге представлена общая статья о семитских языках, а также описания отдельных семитских языков: аккадского (с самостоятельными статьями о староассирийском и саргоновском диалектах) и северозападное семитских языков (угаритский, финикийский, древнееврейский, современный иврит, имперский арамейский, иудейско-палестинский арамейский, классический сирийский, классический мандейский, язык Маалулы, туройо и новомандейский язык). Кроме того, в настоящий выпуск включены статьи о ханаанейских и арамейских языках как о группах, а также сводное описание северозападных новоарамейских языков. Статьи написаны в соответствии с единой типологической ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Широкий типологический анализ семитских языков предпринимается в отечественном языкознании впервые, как и столь полное описание этой языковой семьи, выполненное с единых методологических позиций. В виде приложения даны описание западносемитских систем письма и образцы западносемитских алфавитов, а также языковые карты, которые отражают древнее и современное распространение семитских языков. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков, и издание с широким кругом адресатов, включающим лингвистов различной специализации, историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся семитскими языками и современным состоянием семитологии.

ISBN

Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic. Anna Belova, Leonid Kogan, Sergei Loesov, Olga Romanova (eds.)— Moscow: Academia, 2009. — 832 pp.

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This is the first part of the two-volume set dealing with Semitic languages. It comprises a general survey of the Semitic language family, as well as descriptions of individual Semitic languages: Akkadian (with separate articles on Old Assyrian and Sargonic) and the Northwest Semitic languages (Ugaritic, Phoenician, Ancient and Modern Hebrew, Imperial Aramaic, Jewish Palestinian Aramaic, Classical Syriac, Classical Mandaic, Neo-Aramaic of Maalula, Turoyo, and Modern Mandaic). Also included are general surveys of Aramaic and Canaanite, as well as a summary description of Modern Northeast Aramaic. Each essay follows the typologically oriented template maintained throughout the Languages of the World series. This volume concludes with several appendices: a concise history of Northwest Semitic alphabets (with samples) and a set of maps illustrating the ancient and modern spread of the Semitic languages. This volume is intended to be both a fundamental linguistic study and a reference source. It is addressed to a wide audience of linguists from various fields, historians, cultural anthropologists, teachers and students, and anyone interested in Semitic studies.

© Институт языкознания РАН, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	7
Предисловие	9

<i>Л.Е. Коган.</i> Семитские языки	15
--	----

Аккадский язык

<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Аккадский язык.....	113
<i>Е.В. Маркина.</i> Староаккадский (саргоновский) диалект.....	178
<i>Л.Е. Коган.</i> Староассирийский диалект.....	195

СЕВЕРОЗАПАДНОСЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Л.Е. Коган.</i> Угаритский язык.....	205
---	-----

Ханаанейские языки

<i>Л.Е. Коган.</i> Ханаанейские языки.....	239
<i>А.К. Лявданский.</i> Финикийский язык.....	278
<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Древнееврейский язык	296
<i>Л.М. Дрейер.</i> Современный иврит.....	375

Арамейские языки

<i>С.В. Лёзов.</i> Арамейские языки.....	414
<i>С.В. Лёзов.</i> Имперский арамейский язык	496
<i>А.В. Немировская.</i> Иудейско-палестинский арамейский язык.....	531
<i>С.В. Лёзов.</i> Классический сирийский язык.....	562
<i>А.В. Немировская.</i> Классический мандейский язык.....	626
<i>А.К. Лявданский.</i> Новоарамейские языки	660
<i>А.К. Лявданский.</i> Новомандейский язык	693
<i>Л.Е. Коган, С. В. Лёзов.</i> Маалулы язык.....	705
<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Туройо.....	751

Глоссарий грамматических терминов.....	806
Принятая нотация и сокращения.....	806

П р и л о ж е н и е I: <i>А.К. Лявданский.</i> Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита	811
Образцы западносемитских алфавитов	818
П р и л о ж е н и е II: Типовые схемы статей	822
Карты семитских языков.....	824

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	7
Preface	9

<i>L.E. Kogan</i> . The Semitic languages.....	15
--	----

Akkadian

<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Akkadian.....	113
<i>E.V. Markina</i> . Old Akkadian (Sargonic)	178
<i>L.E. Kogan</i> . Old Assyrian	195

NORTHWEST SEMITIC

<i>L.E. Kogan</i> . Ugaritic	205
------------------------------------	-----

The Canaanite languages

<i>L.E. Kogan</i> . The Canaanite languages.....	239
<i>A.K. Lyavdansky</i> . Phoenician.....	278
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Ancient Hebrew	296
<i>L.M. Dreyer</i> . Modern Hebrew	375

The Aramaic languages

<i>S.V. Loesov</i> . The Aramaic languages.....	414
<i>S.V. Loesov</i> . Official Aramaic.....	496
<i>A.V. Nemirovskaya</i> . Jewish Palestinian Aramaic.....	531
<i>S.V. Loesov</i> . Classical Syriac	562
<i>A.V. Nemirovskaya</i> . Classical Mandaic	626
<i>A.K. Lyavdansky</i> . The Neo-Aramaic languages.....	660
<i>A.K. Lyavdansky</i> . Neo-Mandaic.....	693
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Neo-Aramaic of Maalula	705
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Turoyo.....	751

Glossary of linguistic terms	806
------------------------------------	-----

Notation and abbreviations.	806
----------------------------------	-----

Appendix I: <i>A.K. Lyavdansky</i> . The origin and early development of the West Semitic alphabets	811
Samples of the West Semitic alphabets	818
Appendix II: Templates.....	822
Maps of the Semitic languages	824